

Сергей Плеханов

ПОСЛЕДНИЕ СОЛДАТЫ ПОСЛЕДНЕЙ ИМПЕРИИ

Эпитафия неопубликованному тексту

Книга эта должна была выйти в свет в конце 1991 года, набор был готов уже в октябре. Но издатель, еще недавно предвкушавший успех первого сочинения о лидерах консервативной оппозиции, явно охладел к проекту. К этому времени горбачевской команде реформаторов уже обломала крылья разношерстная стая ельцинских приближенных. На глазах рушилось все, что казалось незыблемым, в одночасье слиняли члены Политбюро, маршалы и генералы, министры и депутаты союзного парламента. Что уж говорить о едва поднявших голову «правых» – да их просто смыло волной новых, оголтелых радикалов.

Так, по всей видимости, мыслили не только издатель, но огромное большинство интеллигенции. Ибо прикладывали к ельцинскому перевороту старый аршин февраля-октября 1917 года. Ну кого тогда могли волновать вожди Союза Русского народа, Русского Собрания и подобных им организаций! Монархию и монархистов накрыло революционное цунами, им не вернуться на политическую авансцену.

По такой логике сторонникам сохранения империи действительно ничего не светило, и публиковать что-то о них – это торговать прошлогодним снегом. Хотя я придерживался иного мнения, заставить издательство выпустить книгу было не в моих силах. Мы расстались, ограничившись исполнением договорных обязательств – я представил рукопись, издательство за нее заплатило.

Хотя речь в книге шла не только о нескольких восходящих звездах конца 80-х – начала 90-х годов, именно попытка угадать их судьбу была признана заведомо бесперспективной. На фоне шумного торжества победителей эти люди действительно на некоторое время исчезли из выпусков новостей и со страниц печати. Но упоение добравшихся до власти было недолгим. Уже год спустя и они сами, и их недавние почитатели растерянно озирались на руинах тысячелетнего колосса. А те, кого считали сгинувшими навсегда теньями прошлого, вновь обрели плоть и кровь.

Поблекли лозунги, в которых мелькали «рука рынка», «предпринимательство», «средний класс», «фермерство», «шведский путь» и тому подобные заманчивые словеса. Зато со всей своей чугунной убедительностью придавили оторопевшее общество «шоковая терапия», «галопирующая инфляция», «неплатежи», «бартерная экономика». Бесконечные шеренги граждан выстроились вдоль центральных улиц столицы с жалкими пожитками в надежде выручить за них хоть что-то на прокорм.

Шеренги поменьше, но столь же вожделеющие покупателя, образовались из молодых женщин и совсем юных дев. Проворные сутенеры подбегали к автомобилям, остановившимся у светофоров, с предложением своего товара. Пиршество демонов демократии совсем не походило на картины, рисовавшиеся публицистами и записными ораторами на исходе горбачевской перестройки.

Массы, очарованные сказками про 500 дней, за которые можно войти в царство изобилия, словно очнулись от наваждения. Им уже не хотелось скандировать «Ельцин, Ельцин! Россия, Россия!». Стали собираться на митинги в Сокольниках, которые еженедельно проводил Жириновский, снова стали предпочитать официальным новостям ядовитые выпуски «600 секунд».

Едва минуло полтора года после августовского «недоворота», как последовал новый путч. Только теперь его возглавил новый хозяин Кремля. 20 марта 1993 года он объявил о приостановке действия конституции и о введении «особого порядка управления страной», но как и ГКЧП грозил своим соперникам недолго, уже на третий день Конституционный суд объявил недействительным этот указ, а Верховный Совет приступил к процедуре импичмента. Голосов немного не хватило, и авантюрист остался на своем посту, продолжил подкоп под новорожденную демократию. Последовал новый противозаконный указ 1400, вызвавший новое обострение политической борьбы. Против парламента были применены уголовные методы – установили милицейскую блокаду, отключили воду и электричество, в конце концов обрушили на него пулеметный и орудейный огонь. Были убиты сотни сторонников законно избранного Верховного Совета, депутаты оказались в тюрьмах. Ельцин запретил оппозиционную прессу и сверхпопулярные «600 секунд». Ни он, никто из соучастников этих преступлений (Черномырдин, Лужков, Бурбулис и др.) наказания не понесли.

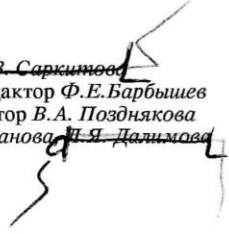
Именно в ходе событий сентября-октября 1993 года проявился политический потенциал героев не вышедшей книги «Последние солдаты последней империи». Генерал Макашов вновь стал ключевой фигурой противостояния – он организовывал оборону Белого дома. Телевизионная 10-минутка Александра Невзорова стала орудием огромной убойной силы, наводившим панику на обитателей Кремля. Вдруг набравший в рот воды Жириновский (ни разу не появился в Белом доме во время осады) стал главным выгодополучателем разгрома оппозиции – он собрал все протестные голоса в ходе последовавших вскоре выборов в Государственную думу.

Скоро тридцать лет минет с того дня, когда книга была отправлена в набор (см. прилагаемый скан выходных данных с редакторской правкой¹), сегодня легко увидеть ошибочность некоторых предсказаний автора, рассчитывавшего траекторию судеб героев на основании тех условий, которые сложились в стране на рубеже двух эпох, в 1991 году.

Но в основном диагноз происходящего был поставлен правильный – в этом можно убедиться, прочитав главы о межнациональных столкновениях. Предсказанное вытеснение русских с национальных окраин совершилось, утвердились националистические режимы – везде, кроме России, где мы увидели второе издание «дружбы народов» за счет русских. В результате узурпации власти Ельциным и его кликой в стране сложилась система, основанная на коррупции и кумовстве, а честную политическую борьбу подменила бесстыдная манипуляция, шкурничество стало определяющим мотивом «государственных мужей» от муниципальных депутатов до высших уровней власти. Под иным знаменем на свет явился клон большевистского квази-государства, закономерно загнившего и распавшегося в те дни, когда писалась книга. Не может быть сомнений в таком же бесславном конце нынешнего режима...

Сергей Плеханов

ПОСЛЕДНИЕ СОЛДАТЫ
ПОСЛЕДНЕЙ ИМПЕРИИ

 ~~Редактор Т. В. Саркисова~~
Художественный редактор Ф. Е. Барбашев
Технический редактор В. А. Позднякова
Корректоры Л. И. Базанова, ~~Н. Я. Далимова~~

Издательство «Ренесанс» СП «ИВО Сид»
Москва, 1-й Басманный пер., д. 5/20, строение 2

Некоторые из персонажей этой книги с удивительным проворством переметнулись в стан «победителей». Никакой идейной основы в этой смене ориентации не было, просто представилась возможность выгодно продать свой талант. Было бы странно осуждать их за это, зная бесчисленные примеры торговли собой в предшествовавшую эпоху, в которую вскормлены мои герои, поэтому я воздержался от каких-либо изменений текста и комментариев *post factum*. За единственным исключением – я опустил две главы, позднее использованные мною в книге «Жириновский – кто он?» (1994).

Июль 2018

КОЛОНИАЛИЗМ НАОБОРОТ

Осенью Ош почти всегда затянут легкой дымкой, и не всякий день увидишь цепи гор, обступающих этот восточный отросток Ферганской долины. Только двугорбая Сулейманова гора в любую погоду видна отовсюду – она поднимается посреди города.

Сверху, с этой самой Сулейманки, как зовут ее местные жители, Ош казался мирным и безмятежным даже 4 июня 1990 года, когда к центру стекались толпы вооруженных людей: у кого охотничьи ружья, у кого палки с привязанными к ним ножами. Гремели выстрелы, раздавались истошные клики "вождей", подстрекавших толпу, вопли убиваемых, стоны раненых; а посетители ресторана на Сулейман-горе слышали лишь вибрирующие звуки восточных музыкальных инструментов да звон посуды, доносящийся с кухни, лениво провожали взглядами коробочки автомобилей, ползущие по городским улицам...

Замполит одной из памирских погранзастав вернулся 4 июня из отпуска. Взяв в ошском аэропорту такси, направился в

расположение местного погранотряда. Уже на окраине города навстречу стали попадаться возбужденные толпы, идущие с разных направлений, озабоченные лица приникали к стеклу машины. Водитель словоохотливо объяснил: ищут узбеков.

Несколько часов спустя замполит прятался за косяком двери "приезжей" (армейское название гостиницы) – на крыше дома через улицу от казарм расположился автоматчик в синем халате и киргизской войлочной шляпе. Выкрикивая матерные проклятия русским, он поливал очередями строения погранотряда.

По прошествии нескольких дней автомобиль с пограничниками двигался по памирской трассе, где остались красноречивые следы недавних событий: по обочинам лежали, завалившись, десятки обгорелых тракторов и грузовиков, множество трупов – некоторые были обезглавлены.

Чудом спасшиеся свидетели рассказывали, что киргизы свирепствовали повсюду, а в Гульче и Суфи-Кургоне они почти поголовно вырезали своих узбекских единоверцев. Женщин насиловали и убивали, вспарывали животы беременным, трехлетнего ребенка пригвоздили вилами к дереву, младенцев разрубали пополам и вешали на крючьях в мясных ларьках с ценниками: "Узбекское мясо. 1 руб.80 коп."

По гребням гор, нависших по сторонам долины, гарцевали вооруженные всадники. Пограничники растаскивали завалы на дорогах под охраной бронетранспортеров, складывали разлагающиеся трупы в грузовик. "Кавалерия" не решалась вступить с ними в столкновение, но вид верховых давил на психику солдат. То же действие оказывали рассказы шоферов-

таджиков, прибавшихся к погранотряду. Отсидевшись кто где, они пробирались в Хорог или в Душанбе на военных попутках. Во время беспорядков у них отобрали машины, а самих отпустили, прочитав в паспорте графу о национальности (здесь все имели при себе паспорта, ибо приходилось предъявлять их при въезде в погранзону). Узбеков-шоферов сразу же убивали, и на захваченных грузовиках киргизская молодежь устремлялась к Ошу – "на подмогу". В чем же подсобили? Вспарывать животы?

Невозможно представить себе, чтобы в России, при первом известии о резне в областном городе все окрестные районы поднялись, дабы подсобить погромщикам. Можно ли вообразить, чтобы вот так, за здорово живешь, принялись резать соседей, как это проделали в Гульче с узбеками, десятилетия мирно жившими бок о бок с киргизами?

Даже из Мургаба, расположенного на памирском плато в четырехстах верстах от Оша (и административно входящего в Таджикистан) рванули по трассе три грузовика, битком набитых вооруженными киргизами. Только погранпост остановил этот порыв "национальной солидарности". Иначе было бы еще больше изнасилований, вспоротых животов и отрезанных голов.

По официальным данным, ошские погромы, начавшиеся 4 июня, когда христиане отмечали День Святого Духа (что, на мой взгляд, символизирует несовпадение биоритмов двух культур), унесли жизни трех сотен людей. Но, по общему мнению, жертв было намного больше. И самое главное, число их растет с тех пор день ото дня...

Я вел разговор с омоновцами в Оше. Сидя за столиком на городском базаре и сдерживая крепкими зубами кусочки шашлыка с шампура, накачанный парень-башкир буднично говорил:

- Самое страшное даже не то, что творилось в июне. Самое хреновое – то, что теперь человека прикончить стало очень легко. Как таракана раздавить. Раньше всякое убийство было ЧП, наезжали следственные бригады, шум, гам... Теперь – спокойно регистрировали очередной труп, и никакого волнения. Почти каждую ночь убивают. Киргизы узбеков. Узбеки киргизов. Особенно киргизскую милицию – за то, что она в тот день огонь открыла...

ОМОН, наводивший порядок в Оше в июне 90-го, был сформирован в основном из мусульман европейской России – татары и башкиры... Потому что не местные, ни к одной из конфликтующих сторон не принадлежали, и в то же время язык разумели.

Вооруженные резиновой дубинкой, пистолетом, автоматом, баллончиком "Черемухи", защищенные каской, щитом и бронежилетом, эти ребята могут привести в чувство огромную толпу - сотня против десяти тысяч. Точно древние викинги, что громили гигантские, в десятки и сотни раз превосходящие их орды. Вот только во имя чего воевали тогда омоновцы? В отличие от могучих нордических витязей, вряд ли кто из них сможет дать осмысленный ответ на этот вопрос...

Собственно говоря, ни тогда, ни сегодня и сам вопрос точно сформулировать никто не мог и не может. Скорее, не хочет. Ну что ж, попытаюсь озвучить невысказанное томление: а на кой хрен

нам такая империя? Киргизы не хотят жить с узбеками. Узбеки не хотят терпеть соседство турок. В Душанбе (февраль 1990) поднялись таджики: не пустим армянских беженцев! Про грузин с осетинами и абхазами и говорить нечего – там вопрос еще круче поставлен: либо они, либо мы. Об отношении к русским здесь умолчу, ибо это одна из основных тем книги, и речь об этом впереди.

Но оставим пока Главный Вопрос. Ибо и сама формулировка его, и ответ зависят от множества малых и второстепенных проблем... Начнем хотя бы с того, что чувства наши при осмыслении таких трагедий, как ошская, надо убрать подальше – они столь же неуместны, как и поздравления жителям этого киргизского города по случаю Дня Святого Духа...

Первое чувство, что охватывает при ознакомлении с происшедшим, – жалость к жертвам. И не только к невинным младенцам и отроковицам – ко всему народу узбекскому. Но когда вспоминаешь, что вытворяли скопища узбеков ровно за год до событий в Оше – погромы и массовые убийства турок-месхетинцев проводились по тому же сценарию, – невольно задаешься вопросом: а не из Ферганы ли занесло бациллы ненависти?

Прошло еще полгода – и вот толпа узбеков растерзала пятерых русских парней в солдатской форме (Наманган, 2 декабря 1990). Огромная туча в три тысячи душ (нет, для них более подходит *г о л о в*) надвинулась на несчастных – отталкивая друг друга, протискивались, чтобы нанести еще один удар по умирающим. Уверен, никто не крикнул: вспомните Ош! Как

не слышно было напоминаний о Фергане в кровавые дни Узгена, Гульчи и Суфи-Кургона...

Турков-месхетинцев гнали по дорогам, затапывали по дорогам, затапывали в поле, врывались в их дома. Соседи-узбеки повязывали на перекладинах ворот красные платки, выставляли в окнах тюбетейки, дабы просигнализировать: свои... Знать бы всем тем предусмотрительным, кто тогда спас свою жизнь, отведя толпу от собственного дома, что скоро в той же изобильной Ферганской долине будут корчиться в предсмертных судорогах их соплеменники, попавшие под дубину погромщика по наводке другого предусмотрительного.

Миграция русского населения из этих мест началась задолго до распада Советского Союза – когда людям стало ясно: здесь безопасность никому не гарантирована, а московским правителям на интересы единоплеменников глубоко наплевать. Я помню, в начале 80-х годов мой товарищ, заведовавший отделом "Комсомольской правды", показал мне письмо русской женщины из Душанбе, рассказавшей о полной бесправности заложников ленинской "дружбы народов". Ее сына-подростка изнасиловали местные юнцы, но никто из них не понес наказания, хотя все были известны наперечет. Азиаты нагло глумились над русской семьей, но даже напечатать в московском издании об этом было невозможно – "ленинский Центральный Комитет" стоял на страже благоприличия. Столь же невозмутима сегодняшняя верхушка России, вышедшая из недр этого учреждения, – даже известия о том, что в суверенной Киргизии ежегодно проводится день изнасилований (любая русская женщина или девушка может стать

добычей киргизов, если попадется им на улице), не способны поколебать спокойствие "всенародно избранного" и его челяди.

Массовый исход русских из "братских республик" также начался еще в советские времена. Когда в феврале 90-го на улицах Душанбе начали останавливать автомобили, выбрасывать из них русских водителей, толпой набрасываться на одиноких безоружных людей – все это произвело на выходцев из европейских областей страны неизгладимое впечатление. Разговоры о дружбе народов как-то разом стихли, наступила напряженная тишина.

Осенью 90-го я встретился в Душанбе с интеллигентной пожилой дамой, членом-корреспондентом Таджикской Академии наук. Положив всю жизнь на подготовку национальных кадров, она на старости лет вынуждена искать пристанище у родственников в Орле. Заработанную вместе с мужем-академиком квартиру в Душанбе ни обменять, ни продать невозможно: первое по причине того, что миграция сегодня происходит в одном направлении, второе – из-за приостановки выкупа жилья местными властями. "Вы и так все бросите, когда будете отсюда удирать", – уже тогда говорили таджикские "патриоты".

С одним из них в ту осень пришлось дискутировать и мне. Происходило это в юрте, поставленной посреди памирского ущелья, так что затиснутый в центр толпы, состоящей из нерусских людей, я чувствовал себя несколько скованно. Однако позиции свои отстаивал с раздражающим азиатов спокойствием.

Молодой сильно небритый таджик уже давно подбирался ко мне. Впервые я почувствовал это, когда он с нескрываемой

радостью поинтересовался: "Что, в Москве дороговизна? Голод будет?" – и положил под язык очередную дозу носвоя (пылевидной смеси табака и золы).

Я никогда не видел, чтобы кто-нибудь из местных русских употреблял это зелье, азиатская же молодежь, не говоря уже о стариках, сплошь наслаждается этой жвачкой. Там, где собираются группы людей – на остановках транспорта, на базарах, возле расклеенных объявлений, – все исполосовано струями зеленой слюны.

Небритый сосальщик носвоя постоянно вставлял в разговор критические замечания о русских, которые будто бы эксплуатируют Среднюю Азию, хотя по историческим заслугам своим и человеческим качествам не чета обитателям этих мест. Когда он в очередной раз бросил реплику: "У таджиков история длиннее, чем у русских", я неохотно отозвался:

- И чем у Соединенных Штатов. А толку-то?..

Цыкнув зеленой жижей в сторону печки, небритый сказал:

- Вы еще по деревьям лазили, а у нас уже было государство...

- Ну, насчет деревьев еще надо разобраться – кто раньше на землю слез. А вот насчет государства ты прав. Но и то сказать: начинали мы в бревенчатом городишке на Днепре, а теперь наши знамена полощутся на берегу Тихого океана, в Арктике и в тропиках.

Признаться, я не считаю уместным бахвалиться величиной или мощью России. Давно сложена русская пословица для охлаждения пламенных самохвалов: "Здоров дурак, да черт ли в

нем". Но когда слышатся со всех сторон горделивые разглагольствования о великом прошлом, всегда хочется сказать: кому нечем похвастаться в настоящем, козыряет историей. Кроме того, смертельно надоело дежурное зрелище: оправдывающийся "старший брат". Подбирается к нему с упреками литвин, некогда ходивший в польском обозе грабить ослабевшую Московию, норовит обругать вызволенный из-под туретчины молдаванин, кипятится армянин (за то, что не добыли ему Арарат?), даже якут и тот роняет через губу:

- Да кто же вы есть-то? Нет никаких русских – это какая-то помесь татар – не знаю с кем...

- Что же ты тогда бурчишь? Если русских нет, с кем ты воюешь? Иди к татарам с претензией: зачем жизнь якуту заели...

Угро-финского происхождения эстонцы (в досоветское время тысячелетие именовались чухонцами и служили синонимом культурной и умственной недоразвитости, что наглядно проявилось в том, что только в 19 веке сподобились получить письменность из рук так ненавидимых ими "угнетателей") тоже тычут: с татарами смешались. Шел бы высказавший такое озарение чухонский фашистик Тийт Маде со своей "теорией" татар задирать - ужо ввалили бы сердешному.

Проще всего фразы ронять: собаки лают, а караван идет вперед. Но не спокойнее ли для каравана изменить маршрут? Лучше внимать гулкой тишине пространства, улавливать в шелесте звезд голос Творца, нежели надсаживать слух назойливым нескончаемым брехом.

И вот мы снова возвращаемся к вопросу, на котором я обещал читателю сосредоточиться. Сформулирован он, напомню, таким бесхитростным образом: а на кой хрен нам такая империя? Империя, в которой создавший ее народ низведен на положение прислуги. Везде по республикам Советского Союза русский был не начальником, а работягой: на заводе, на электростанции, на стройке. В Эстонии, от "русского ига" изнемогшей, все хлебные места – в торговле, в адвокатуре, в прессе, в лечебных учреждениях – всегда были укомплектованы в основном "угнетенными". А "угнетателям" оставили самую непрестижную работу. Даже в правоохранительных службах это разделение наглядно проявлялось – в ГАИ (где копейка исправно "капает") "порабощенные" изнывали; в милиции, где не деньгу, а пулю схлопочешь или, в лучшем случае, штанину облюют, "полутатары" господствовали.

Пройдитесь в советские годы по магазинам Душанбе, по кабинетам больших и малых "раисов" – русских почти не увидите. Зато на насосной станции или среди сантехников тубетейка – большая редкость.

Так стоит ли нам держаться за государственное образование, учрежденное Ульяновым и Троцким, зацементированное Джугашвили? Империя наизуворот, в которой Россия оказалась внутренней колонией Кишинева и Ашхабада, нужна сегодня только банде дельцов, которые состригали с бессловесной "метрополии" все дочиста. Там – у "угнетенных" - асфальт, двухэтажные дома, авто у каждого подъезда, здесь – у

"угнетателей" – непролазные дороги, вымершие как после иноземного нашествия деревни, серые толпы у пустых прилавков.

Когда-то люди бежали от коммунистического гнета из разоренной России в "хлебные города". В те времена уже из-за куска хлеба стоило отрываться от корней. Но сегодня, когда все явственнее раскаты подземного грома, грозящего вздыбить Среднюю Азию, Кавказ и западные окраины, русским приходится думать уже не столько о хлебе, сколько об угрозе самой жизни...

СТАРЕЦ ФИЛОФЕЙ И ПОЛКОВНИК АЛКСНИС

Как обеспечить будущее русской нации? Быть может, лучшим из решений было бы снять с себя все свои глобальные обязательства и, вернувшись в прадедовские пределы, отдохнуть от исторической миссии? Жить без затей, как живут десятки и сотни народов, превратиться, если угодно, в нацию обывателей, занятых гешефтами и устройством собственного комфорта. Такой выход предлагают очень многие – от Збигнева Бжезинского до Александра Солженицына. Первый из названных авторитетов считает демонтаж империи выгодным для самих русских: "Жестокая действительность состоит в том, что их империя может существовать только как бедное великорусское казарменное государство". А Солженицын считает, что "народ-богоносец" просто изработался и нуждается в покое.

Предложения привлекательные, тем более что подавляющая часть русской нации и так, без всяких толков о

мессианизме и имперском предназначении, давно выбрала незатейливую растительную жизнь. Для огромной массы этих людей толки об экспансионизме, о русификации и всем таком прочем кажутся досужей игрой праздных умов. В их жизни ничего подобного нет и не было!

Но рассуждения об империи, заедающей век множеству достойных наций, все продолжают. Время от времени пресса выявляет и носителей державного сознания, которые злостно противятся распаду государственного монстра. Правда, многие из них тут же отрешиваются от страшного обвинения, утверждая, что они за равноправный союз суверенных народов или что вовсе по ошибке попали в перечень реакционеров. Некоторые даже заявляют, что никакой империи вообще не было и нет, а совсем наоборот... Словом, при ближайшем рассмотрении выясняется, что прежде, чем определить свое отношение ко всем этим уклончивым знаменосцам великодержавности, попробуем разобраться, что же означает на общепринятом языке понятие "империя". Первая из хорошо известных нам империй – держава Александра Македонского, просуществовавшая всего несколько лет. Предшествовавшие ей такие многонациональные государства, как Ассирия, Вавилон и Персия, настолько утопают в историческом тумане, что мы не вправе основываться на их опыте при рассмотрении новейших империи. Властелин маленького балканского государства оказался той личностью, в которой идея сверх-государства нашла свое живое воплощение. Александр не только объединил собой и удовлетворил политические претензии разноязыких народов, но и привел к общему культурному

знаменателю совершенно несхожие культурные традиции Запада и Востока. Суть психологического переворота, произведенного Македонским в умах не только подданных, но и властителей, состояла в том, что преодолевалось деление на своих и варваров, столь свойственное всему древнему миру. Читавший Библию знает, с какой легкостью “богоизбранному” народу давалась санкция на геноцид – ведь направлялся он против варваров, недочеловеков.

Расколовшись на несколько государств, империя Александра, тем не менее, в течение столетий незримо присутствовала на тех территориях, которые были завоеваны его армиями: эллинистическая культура, пустившая глубокие корни повсюду от Египта до предгорьев Памира, подготовила человечество к восприятию мысли о его единстве.

И когда одна из эллинизированных окраин после-александровского мира подняла знамя миродержавия, народы восприняли этот вызов как нечто закономерное. Римские легионы шли теми же путями, что и фаланги Македонского, но протекшие с того времени триста лет подготовили античные нации к восприятию тех идеи, которые несли римляне. Да и по образу жизни новые господа были куда ближе побежденным, чем греки, ворвавшиеся на Восток на плечах отступающих персов.

То, что возводили римляне во всех концах своего необъятного государства, уже не воспринималось коренными жителями как нечто абсолютно чуждое и враждебное. Форум, стадион, театр, бани, некрополь – этот обязательный набор всякого римского городка – были давно известны на Западе и

Востоке по греческим поселениям. И любой, когда-либо пользовавшийся всеми этими благами, неизбежно признавал превосходство римско-греческого образа жизни.

Рациональность, комфорт, безопасность мира, построенного римлянами, в конечном счете перевесили и изменили тысячелетние традиции, привязанности многочисленных народностей, попавших в орбиту империи. И как ни бунтовали, как ни возмущались нивелировкой культур, раз за разом римские корни все глубже вращались в обычаи и каждодневную жизнь чужеземцев. Пять веков длилось это уникальное сожительство народов, пока волны варварских нашествий не смели великое государство, выросшее из небольшого городка на Апеннинах.

Но, так же как Рим сделался преемником традиций эллинистического мира, так и римская культура и государственность оплодотворили новый вселенский центр – Византию. Формально Римское государство и не переставало существовать – регалии императоров просто переместились на Восток. Да и само наименование нового государственного образования – “держава ромеев” - говорило о прямой преемственности от Рима к Византии.

И все же империя оказалась иной – и не только по национальному составу населения. Главным отличием нового Рима от старого была религия. Христианство изначально провозглашало главенство личности перед национальной принадлежностью человека, ибо перед Богом был ответствен

каждый лично, а не как часть некой общности, предстоящей перед племенным божеством.

Сионистский историк Хаям Маккоби в своей книге "Революция в Иудее" выдвигает интересную концепцию возникновения христианства. По его мнению, эта религия явилась продуктом идеологического творчества греков, стремившихся нанести поражение своему основному конкуренту в борьбе за власть над дряхлеющим Римом – иудеям. Повергнув множество республик и царств, сами римляне стали незначительным меньшинством в собственном государстве, и со временем вершить его делами стали представители оборотистых восточных наций. По аналогии с нашими мусульманами, армянами и грузинами. Евреи составляли около 10% населения империи, примерно столько же было и греков. Обе нации жили в рассеянии, часто соседствуя по городам и весям от Евфрата до Атлантики.

Если иудеи, исповедующие националистический культ Яхве, и могли составить конкуренцию грекам в деловой сфере, то имевшие опыт имперского строительства греки дали им сто очков вперед, выдвинув универсальные идеалы всеобщего равенства перед Богом и неизбежного воздаяния каждому в ином мире.

Византия, принявшая христианство в качестве государственной религии, пошла по пути денационализации еще дальше языческого Рима. Само имя "ромееи", носимое гражданами новой империи – от Египта до Болгарии – символизировало отрыв от почвы. Но оно давало главное: легитимность благородного происхождения всего византийского общества. Если не быть педантом, можно уловить в этом искусственном наименовании

созвучие с термином "советский", долгие десятилетия боровшимся со старыми национально-племенными историческими самоназваниями.

Как бы то ни было, но процесс "переплавки" наций в ромеев шел в Византии достаточно успешно. В империи даже считалось, что наиболее "ценными" во всех отношениях являются дети от смешанных браков. Престол в Константинополе занимали не только греки, но и каппадокийцы, хазары, армяне. Видные посты в администрации и в армии занимали крещеные арабы, грузины, славяне.

Но Византия истаяла, просуществовав чуть больше тысячелетия. Восточное христианство, пронесенное ею сквозь века во всей обрядовой первозданности, стало с падением Константинополя конгрегацией иноверцев, вкрапленной в среду исламского мира. Лишь одна страна на земле сохранила к тому времени православно-христианскую форму правления – Московская Русь.

Это-то обстоятельство, да к тому же женитьба одного из московских государей на византийской принцессе из рода Палеологов, позволили многомудрому монаху Филофею, жившему в первой половине XVI века – вскоре после падения Второго Рима, – сформулировать государственный идеал русских монархических правителей. По его мысли, после отпадения Первого Рима в латинскую ересь (папизм) и захвата турками Второго Рима – Константинополя – единственным оплотом истинного христианства осталась Москва. Ей и быть Третьим

Римом, наследующим не только идейные знамена, но и претензии на разумное устройство мира.

В те времена подобные домыслы могли показаться провинциальной блажью. Тем более что на карте Европы значилась, хотя и номинально, Священная Римская империя германской нации. Московия, только что переставшая платить дань татарской Орде, вдруг заявляет претензии на пользование царским титулом и императорским двуглавым орлом, символизирующим власть над двумя частями света - Азией и Европой!

И все же предположения почтенного Филофея, как показал опыт истории, оказались не пустым умствованием. Монах попал в точку – основанная на византийских принципах Российская империя стала стремительно расширяться, поглощая царства и народности. Збигнев Бжезинский заметил, что в эпоху своего превращения из отсталого восточно-европейского царства в мировой рейх Россия расширялась на одну Голландию ежегодно. И в отличие от эфемерных гигантов вроде испанской колониальной державы или Британской империи, она на удивление прочно интегрировала в своем составе присоединенные земли. Вот так вкратце можно изложить развитие имперских форм от Александра Македонского до Николая II. Были, конечно, и иные империи – и уже упоминавшиеся здесь, а также Арабский халифат, Австро-Венгрия и государство Великих Моголов, – но они существовали вне прямой преемственности, хотя некоторые и декларировали свою генетическую общность с Римом.

Нас сегодня интересует другое. Националистические движения, развалившие Советский Союз, действуют в убеждении, что сокрушают последнюю империю в истории Земли и что таким образом оказывают величайшее благодеяние человечеству. Старец Филофей, проявивший себя хорошим футурологом в части предсказания огромных масштабов державы московских царей, предрек, между прочим, и судьбу Третьего Рима: он последний, и четвертому не быть. Можно как будто записать это пророчество в актив антирусским движениям: они действуют в одном направлении с исторической закономерностью. Но эсхатологическое сознание пожилого монаха из новгородского монастыря применяло к истории иные мерки: расхожей единицей измерения здесь был конец света. Так что если верить в мистическую связь судеб государства и мира, то хлопочущие о приближении конца Третьего Рима, сами того не ведая, пекутся о конце света?

Впрочем, на отдельных персонажей современной политической сцены пророчества старика Филофея оказывают не угнетающее, а бодрящее действие. Поскольку конец истории представляется для них делом весьма отдаленным, они готовы придать откровениям монаха характер некоего патента на бессмертие, выданного Российской империи.

Но ведь существует историческая усталость русского народа, набирает силу стремление к изоляционизму со стороны России, все чаще вспоминают в этой связи парадоксальное высказывание писателя Валентина Распутина на съезде народных депутатов СССР: "А может быть, России выйти из

состава Союза?" Но вот тут-то и пригождается нам знание истории. Достаточно обратить взгляд в прошлое, чтобы убедиться, что Римская многонациональная держава просуществовала пять веков не только потому, что в этом были заинтересованы римляне. Да и тысячелетие Византии обусловлено не только цепкостью греков, составлявших ядро правящего класса империи. И в том, и в другом случае за преобладание в государстве, а следовательно, и за его сохранение часто сражались силы, чужеродные по отношению к нации, основавшей данную державу. Если мы окажемся в плену исторической иллюзии, повелевающей рассматривать возникновение и жизнь империй через призму интересов какого-то одного народа, то мы будем вынуждены оставить за рамками этого повествования таких наследников замечательного старца из обители преподобного Елеазара, как полковник Виктор Имантович Алкснис, как юрист Владимир Вольфович Жириновский, как знатная сварщица Сажи Умалатова или судовой механик Евгений Владимирович Коган. Да, русский народ смертельно устал, он ищет свободы и покоя. Но ход исторического хронометра, фиксирующего биение пульса самой большой страны на нашей планете, имеет свою вне-человеческую, вне-национальную логику. Быть может, звук его маятника возвещает совсем иное будущее, чем грезящийся многим патриотам отдых в северо-восточном углу Евразии?..

ПОЛКОВНИК БЕЗ МУНДИРА И МУНДИР БЕЗ ПОЛКОВНИКА

Гостиница "Москва", находящаяся в непосредственной близости от Кремля, стала прибежищем для народных депутатов Советского Союза и России. В ее коридорах то и дело натыкаешься на людей, хорошо знакомых по ежевечерним телетрансляциям из парламентов. Здесь слышится энергичный голос Галины Старовойтовой и неспешная речь экс-генерала КГБ Калугина. Здесь бродят неразлучные Пат и Паташон советской перестроечной сцены - Тельман Гдлян и Николай Иванов. Здесь же произошло мое первое приобщение к духу Алксниса. Ибо то, что я увидел в руках полковника Петрушенко, резво вышагивающего по коридору в окружении сподвижников, можно назвать материализовавшейся субстанцией того образа, который создан стараниями газет и ТВ.

- Все, закончили с делами, – частил Петрушенко. – Отстаньте от меня, ребята. Улетаю в Семипалатинск. Через двадцать минут машина. Вот сейчас отнесу мундир Алксниса в его номер – и все, уехал. Я подумал, что это заурядное одеяние, которое нес на плечиках один из "ястребов" советского депутатского корпуса, когда-то приобретет, быть может, столь же высокий статус, что и черное пальтецо с бархатным воротничком, хранящееся через дорогу отсюда – в музее Ленина. Проводив глазами китель и выглаживающие из-под него кончики штанин, я некоторое время стоял, размышляя о том, насколько оболочка, хотя бы и легко отделяемая от ее носителя, способна к

самостоятельному бытию, а следовательно, и к воздействию на всякого, над кем она обретает власть. Когда через несколько месяцев после этого случая я пришел в "Москву" для личного знакомства с Алкснисом, образ его оболочки, несомой Петрушенко, настолько завладел моим сознанием, что я некоторое время чувствовал явный дискомфорт, наблюдая за Виктором Имантовичем, расхаживающим по номеру в сугубо штатских брюках и в рубашке с закатанными рукавами. Его раздавшийся в талии корпус, мягкие руки с малым количеством волос и большим числом родинок, его спокойные внимательные глаза как-то не корреспондировали с образом "черного полковника", сотворенным журналистами. Шаги его никак не назовешь поступью, а захлебывающуюся манеру речи лучше всего обозначить как средне-интеллигентскую – без железных ноток, без армейских слов-паразитов, но с изрядной долей иностранных терминов. Глядя на него, я думал: наверно, любит байдарочные походы, обожает просматривать слайды всей семьей, умеет мастерить что-то по дому. Начинаем беседу. Алкснис спокоен и откровенен. Поскольку первые вопросы о семейных корнях, он охотно и подробно рассказывает о своем знаменитом деде – Якове Алкснисе. Тот происходил из крестьян-батраков, но еще при царе выбился в люди – окончил учительскую семинарию в Валмиере, затем с началом мировой войны был направлен в Одесское пехотное училище и, получив звание прапорщика, попал в действующую армию на Западном фронте. Латышским стрелком Яков Алкснис, вопреки распространенному мнению, не был - он служил в сибирских частях. Гораздо большую

роль в его карьере сыграло то, что в 1916 г. он вступил в социал-демократическую партию. Так что после большевистского переворота ему, как "военспецу", да еще с партбилетом, были уготованы самые видные посты. В момент наступления Деникина на Москву Яков Алкснис – военный комиссар Орловской губернии. За проведенную кампанию он награждается орденом Красного Знамени. А после войны получает высокое назначение в генштаб. В 1926 г. окончивший военную академию латышский большевик направляется на руководящую должность в военно-воздушных силах. Десятилетие спустя после этого стремительного восхождения на вершину власти – 23 ноября 1937 года – наряд НКВД арестовывает Якова Алксниса в его квартире номер 100 в сером громадном доме, расположенном наискосок от Кремля ("Дом на набережной", впоследствии описанный его обитателем из другого поколения писателем Юрием Трифоновым). По прихоти судьбы в этой самой квартире через некоторое время поселится Василий Сталин - также будущий постоялец секретных тюрем МГБ и КГБ. Семья Якова Алксниса, распыленная по стране сталинскими смерчами, вновь соберется вместе не скоро – почти через двадцать лет после его смерти. А пока сын расстрелянного командарма Имант долгие годы работает на руднике Таштагол Кемеровской области, не зная, что совсем неподалеку отбывает очередную ссылку его мать. Нынешний "черный полковник" появился на свет в том же Таштаголе в 1950 году. Мать его Анастасия Мартемьяновна происходит из крепкой семьи сибирских крестьян-кержаков Санниковых. Дед-старообрядец, умерший в 1989 году, оказал на внука очень большое влияние: его

основательность, рассудительность, бесстрашие передались и Виктору. Помноженные на выдержку и жизнестойкость, доставшиеся от бабушки-латышки, они сформировали цельный, спокойно-уверенный характер депутата Алксниса.

Много лет его семья обитала в небольшой двухкомнатной квартире на окраине Риги. Жена Любовь Михайловна, стройная миловидная дама родом из Карелии, преподавала историю в школе. Дети – Яков и Ирина – уже взрослые молодые люди. Машины у Алксниса нет и никогда не было. Таким образом, это обычная полковничья семья. Служба в штабе военно-воздушных сил Прибалтийского военного округа и депутатские обязанности – вот сфера реализации профессионального и политического потенциала Виктора Имановича. Когда печать на все лады заголосила об "ультиматуме", предъявленном Алкснисом Горбачеву в конце 1990 года, в общественном сознании мгновенно выкристаллизовался облик грубого и жестокого солдафона, воспитанного партаппаратом. Тяжеловесный образ сей разом заставил забыть то, что пробивалось в печать об Алкснисе прежде. А он был "левым коммунистом", принимал летом 1988 года участие в первых заседаниях Народного фронта Латвии. Его подпись стоит под теми документами, которые были опубликованы накануне I съезда народных депутатов СССР – рядом с подписями Андрея Сахарова, Юрия Афанасьева, Гавриила Попова. Выходит, политический дрейф возможен не только слева направо, как у Ельцина и Шеварднадзе? Когда я привожу слова министра иностранных дел Веймарской республики Вальтера Ратенау: "Человек в двадцать лет -

революционер, в двадцать пять – либерал, в тридцать – консерватор", – Алкснис согласно кивает. Он прошел этот путь и считает такое развитие нормальным, как естественное – от младенчества к возмужанию. Если кто-либо претерпевает обратную эволюцию – это свидетельствует или о его недоразвитости, инфантильности, или о предельном цинизме. У самого Виктора Имановича – в отличие от подавляющего большинства новоявленных парламентариев – интерес к политике возник еще в молодости. Уже тогда он собрал неплохую библиотеку, написал – в основном с национальным уклоном – несколько работ о политике советской власти в годы ее становления. Закончил четыре факультета годичного Университета марксизма-ленинизма – хотя всерьез об этом как о политическом образовании здесь говорить не приходится, все же, если судить по Алкснису, – эта форма идеологического воспитания, распространенная в годы застоя, служила не только оболваниванию и отучению от самостоятельного образа мыслей. Когда сегодня Виктор Иманович цитирует Бердяева, сказавшего как-то, что государство создается не для того, чтобы построить рай на земле, а для того, чтобы не допустить ада, я понимаю, что для него университет марксизма-ленинизма оказался совсем не цехом по усушке и утруске мозгов: четырежды выпускник оказался в состоянии быстро откорректировать истины всепобеждающего учения, когда действительность испытала их на прочность. Участие в реальной политической жизни убедило Алксниса, что классическая марксистская формула требует зеркальной перелицовки: сознание определяет бытие. Когда коллеги (по

левым блокам) живо пристроились к различным кормушкам, он уразумел: все, что от него требуется, дабы жить "по-человечески", – это поддерживать в нужном порядке образ своих мыслей. Однако, несмотря на весь свой прагматизм, Алкснис выбрал иную позицию – и, вместо того чтобы занять место в Верховном Совете при первой ротации осенью 1990 года, "прокатился на вороных". Самое время разобраться, что же есть сегодня приспособленчество и конформизм. Если "ставленник партаппарата" с непостижимой быстротой преображается в поборника демократии и рыночной экономики, и пресса, не прощавшая "славному сыну рабочего Урала"² ни одного неосторожного слова и поступка, почему-то молчит о полученных им роскошных апартаментах в центре Москвы, не заглядывает в платежную ведомость, по которой он получает огромное жалование как член Президентского совета, это наводит на мысль о том, что всякая репутация обладает свойством обратимости. Но все же постараюсь воздерживаться от моральных оценок на протяжении всего дальнейшего повествования, лучше попытаюсь изложить взгляды тех или иных деятелей адекватно их мировосприятию. Пусть говорит каждый за себя, мое дело лишь помочь читателю соотнести позицию действующих лиц политического театра с системой общепринятых координат: левый – правый, консерватор – либерал, националист – космополит... Итак, выходя в плавание при средней волне под одним флагом, полковник Алкснис спустил его в условиях все

² Вениамин Ярин, профсоюзный функционер с Нижне-Тагильского металлургического комбината

крепчающего шторма и поднял на грот какое-то странное знамя. Странное потому, что ни цвета, ни изображенных на нем символов долгое время рассмотреть никому не удавалось. Одним казалось, что они видят кроваво-красный стяг с известными орудиями труда, – и в адрес "ястреба" раздавались проклятия. Другие примечали, что на его мачте полощется бело-сине-красный триколор, и они радостно оповещали об этом окружающих. Третьим мерещилось совсем из ряда вон выходящее: золотой штандарт с черным двуглавым пернатым. Как бы то ни было, по меньшей мере две трети версий оказались ошибочными – и во всем повинен дьявольский ураган, обрушившийся на наше безмятежное житейское море, нежившее нас без малого четыре десятилетия... Что стряслось с Виктором Имантовичем? Ведь все, казалось бы, уготовало его к роли записного антисталиниста, мемориальца и в конечном итоге – члена теневого кабинета, составленного из солистов межрегиональной депутатской группы. Неужели мы окажемся столь простодушны, что позволим утолить свое любопытство одной лишь фразой: "Консерватизм - удел зрелых мужчин"? Я прошу Алксниса объяснить свое отношение к коммунизму - как идеологии, движению, реально существующему социально-экономическому строю. Он отвечает, что сегодня говорить об этих вещах всерьез как о факторах, влияющих на формирование будущего, уже не стоит. Марксистская идеология была, так сказать, иммунной системой государства, в котором мы живем. Теперь она разрушена, и нас поразил своего рода идеологический СПИД. Инфекция национализма охватывает одну за другой части

некогда жизнеспособного организма, и до тех пор, пока не найдется против нее вакцины, мы будем находиться у опасной черты, за которой – небытие. Крах системы был обусловлен измелечением людей, ее обслуживавших. Когда Алкснис впервые появился в Кремле и воочию увидел тех, кто управляет нами, для него это было одним из серьезнейших потрясений. Он говорит:

- Я всегда думал, что там, наверху, сидят люди, которые все знают и все понимают. Но когда столкнулся с ними нос к носу, был обескуражен – *эти* правят? Да с таким интеллектом, с таким кругозором не всякую рядовую должность им можно доверить... Горбачев представляется ему типичным порождением номенклатурной системы. Никакой он не политик в нормальном, общечеловеческом смысле слова. Это технолог коридорных схваток, мастер лавирования в партийном мирке. Там он приобрел одно из важнейших своих качеств – отсутствие ясной политической воли. Приспособленчество, компромиссы, уход от принятия ответственных решений – все эти прелестные качества партийного функционера, став чертами политической физиономии главы государства, обусловили и ход провозглашенной Горбачевым перестройки. Осенью 90-го года я и еще несколько народных депутатов прямо-таки прорвались на прием к высшему политическому руководству – Горбачеву, Рыжкову и Лукьянову. Мы сидели друг против друга, я говорил очень много неприятного Горбачеву. Но никакой реакции не последовало. Как главнокомандующий, просто как мужик мужику, он должен был бы сказать мне: "Ты, полковник, слишком много на себя берешь. Знай свое место и не поучай меня, что надо делать!"

Он просто обязан был заорать на меня. Но не сделал этого... Пока Горбачев будет оставаться на вершине пирамиды власти, дела в стране будут идти все хуже. То же относится и к Ельцину. Оба они – порождение партийной машины, которая выталкивала наверх только тех, кто был обкатан между всех ее валов, проташен через шестерни, просеян сквозь сита номенклатурного отбора. Они могут действовать в системе, реагирующей на приказ сверху донизу каждым своим последующим сочленением. Вне ее рамок они ничто, ибо до шестидесяти лет оба полагались только на цепочку исполнителей, но никогда не пытались отстоять свою политическую позицию в условиях свободного соревнования.

Признаться, не ожидал в "доавгустовские" времена слышать от "ястреба" такие обобщения. Были ли искренни журналисты при изложении позиций Алксниса?

- Как вы считаете, если *они* закопают Горбачева, тогда вчерашняя система возродится? (когда я задал этот вопрос, до 19 августа оставалось меньше месяца) .

- Нет, они обречены. У них нет ни людей, ни идей.

Выходит, не совсем понятен и тот рефрен о Горбачеве, который Алкснис неизменно повторял подобно римскому сенатору, всякий раз заканчивавшему свою речь словами: "Карфаген должен быть разрушен". Никакой реставрации коммунистического режима он не жаждет.

Перевожу разговор на другую тему. И, по моему мнению, если тут человек проявит свой вкус к регламентации, к простоте, то его политические идеалы, быть может, выдуманы для камуфляжа. Итак, вопрос:

- Кто ваши любимые писатели?

- Чехов. Современных же классиков терпеть не могу. В школе привили отвращение на всю жизнь. Из неклассиков - Владимир Маканин. Гроссман - "Жизнь и судьба".

- А из латышских?

Он морщит лоб, раздумчиво отвечает:

- Из латышских?.. Вы знаете... у нас нет крупных.

Теперь можем подбираться к политике.

- А кто вам ближе из исторических фигур?

- Столыпин, – следует без промедления. Затем, немного подумав, продолжает, – Я, конечно, по всем статьям должен быть антисталинистом. Но, тем не менее, огромный интерес у меня вызывает фигура Сталина. Личность совершенно нами не понятая, и, я уверен, мы еще вернемся к ней в более спокойной обстановке на новом витке развития.

И тут Алкснис не мимикрирует. Кто его за язык тянет? Ведь такое сейчас невыгодно говорить. Значит, внутренне раскован, спокоен, не думает о производимом впечатлении... Наполеона тоже именовали "корсиканским чудовищем", детей им пугали, а прошло полсотни лет – упокоилось в могилах растревоженное им поколение, и снова возник спрос на его биографии и портреты...

Впрочем, если говорить о западных политиках, то французский Сталин в число фаворитов Алксниса не входит. Он почитает Черчилля и де Голля, действовавших в условиях парламентской демократии. А как свой политический идеал называет итальянскую модель государства. Про Пиночета и

Франко – что можно было бы предположить, отталкиваясь от газетного образа "черного полковника", – ни слова...

Итак, ястреб какой-то странный: поклонник Чехова (вот досада, забыл спросить любимое произведение!) и Черчилля, по сердцу ему *dolce vita* итальянского образца. Ну как, скажите, можно слыть грозой демократии и восхищаться порядками в стране, где правительства меняются чаще, чем пляжные моды? С этим недоумением обращаюсь к Виктору Имантовичу:

- Ведь вы за сильное правительство, а в Италии они рассыпаются, бывает, по несколько раз в год.

- Вот это-то и нравится: в послевоенной Италии нет дееспособной власти, а экономический рост остается неизменным.

- Выходит, вы могли бы подписаться под мнением, распространенным среди поляков: чем слабее правительство, тем сильнее народ?

- Нет-нет, - энергично говорит Алкснис. - Я действительно за сильное правительство. Тот пример не для нас...

Он с хитрецей улыбается. И мне кажется, я понимаю, что он не договорил: "Но знаете, у каждого есть своя слабость".

Быть может, для лучшего уразумения движущих пружин истории не вредно предположить, что у самых безвольных правителей идеалом может быть могущественный древний владыка Ассаргадон, заставивший дрожать весь Восток? А путеводной звездой какого-нибудь могучего диктатора служил, может статься, одинокий отшельник, ушедший от соблазнов власти и богатства в скудную пустыню? ..

Когда, расположившись с переплетными принадлежностями в маленькой комнатке своей "хрущевской" квартиры, Алкснис раздирает один за другим комплекты толстых журналов за минувший год, а затем, разложив на отдельные томики, зажимает их в пресс, он являет собой типичного советского интеллигента, десятилетиями жившего на скудном идейном пайке и теперь упивающегося хлынувшим на него потоком прежде запрещенных книг и публикаций. Таким же вижу его, когда он возится с телевизором, принесенным соседями (ремонт радиоаппаратуры – хобби Виктора Имантовича). Тот же образ проступает сквозь старую полевую форму, в которой Алкснис полосует спиннингом гладь карельского озера. Где же отыскать житейский аналог того каменно-спокойного мужа в кожанке, который уверенно движется к сцене, взбегаёт по ступенькам и занимает место за столом президиума съезда движения "Союз"? Быть может, он любит охоту, хладнокровно выцеливает бегущего зверя, наслаждается разделкой туш? Но нет, и тут он неуязвим для ловца образов.

И все же, думаю, придирчивый хронист однажды подловит Алксниса в момент, когда глаза его с символической яростью выстрелят в камеру заряд имперской фанаберии, а то и предстанет перед потомством на фоне какого-нибудь дредноута. Как когда-то непредусмотрительный Сталин, целившийся перед кинокамерой в зал коммунистического сходбища из поднесенного ему снайперского карабина...

- Так почему же вы за сохранение империи? – наконец прямо "в лоб" вопрошаю любителя грустной чеховской прозы.

- Во-первых, никакая это не империя, – следует быстрый ответ. – Попутешествуйте по Литве с ее двухэтажными особняками и подворьями, кишущими живностью, по благоденствующей Молдавии, по заставленной белокаменными хоромами Грузии, а затем отправляйтесь в русские области Нечерноземья: ни единой асфальтовой дороги, мертвые деревни, заросшие сорняком поля. Так не бывает в империях – там метрополия цветет за счет окраин.

- Ну хорошо, пусть не империя. Сформулируем вопрос так: почему вы за сохранение этого государства, в этих границах?

- Да мы просто не можем разделиться! Упущен для этого исторический момент – 1917 год. Тогда империя могла распасться действительно безболезненно, ибо мы все были суверенны – не только каждая нация, но каждая деревня, каждый двор.

Экономика в ту пору действительно была атомизирована до предела. То, о чем мечтаем ныне – о суверенности всякого производителя, - имелось в царской России, что называется, от Бога. Почему и пересидели на своих огородах революцию и гражданскую войну. Сейчас любая смута может оказаться катастрофой, а глоток свободы стать столь сильным снадобьем, что отправит одряхлевшего пациента на тот свет.

- Я выступаю от имени тех 75 миллионов, которые живут за пределами своих исторических отечеств. Подумайте, что будет с ними, если национализм победит по всей советской территории! Процесс разделения будет означать распиловку живого тела.

ПОДКОВА НЕСЧАСТИЙ

Неверие в правильность стратегии перестройки постигло меня осенью 1988 года в Мургабе, административном центре Восточного Памира, входящего в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикистана. Я брел по центральной улице этого кишлака, созерцая хилые побеги толщиной в мизинец, обнесенные каждый крепким частоколом из досок. То была первая древовидная растительность, увиденная мной в этом поднебесье (высота 4 тысячи метров над уровнем моря). Я размышлял: какую же вражду к цивилизации должны проявлять граждане этого славного местечка, если каждый прут требует такой защиты. Сия элитарная мысль посетила меня прямо против входа в райком КПСС, украшенного приличествующими случаю транспарантами, вроде: “Владивостокским инициативам о перестройке межгосударственных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе – да!”, “Ускорение, демократизация, арендный подряд – лозунги животноводов района!”, “Перестройке - энергию, энтузиазм, творчество молодых!”, Не успел я соотнести свои пессимистические раздумья с кумачовыми афоризмами, как живая действительность засвидетельствовала свое отношение к постулатам горбачевизма. Из дома напротив партийного штаба вышел юный киргиз, снял штаны и, присев над канавой, стал привычно делать по-большому. Было три часа дня, по пыльной улице шли соплеменники

незакомплексованного последователя Жан-Жака Руссо и никакого внимания не обращали на его обнаженное седалище.

Единовременность зафиксированного глазом – пылающего призыва к перестройке и какающего киргиза – вызвала целый поток мыслей. “И *они* думают, что такую страну можно заставить шагать в ногу с цивилизацией? Надо быть ишаком, чтобы затевать демократизацию там, где еще столетие нужно палкой гонять к отхожему месту”...

С тех прошло три года. Какающий киргиз подрос и, возможно, принял участие в одном из кровопролитных конфликтов, которые полыхали недалеко от тех мест. Если проследить географию этих междоусобиц, то на карте вырисовывается нечто подковообразное – от Ферганы к Намангану, оттуда к Ошу, от Оша к Алайской долине (там в 1989 году произошли столкновения между чабанами из Таджикистана и местными киргизами). Далее линия напряженности проляжет через Памир и Душанбе. Эта подкова несчастий соединяет местности, населенные десятками народов. Пока вырвались наружу только несколько протуберанцев вражды. Но очагов напряженности гораздо больше. Перечислю прежде всего те, что порождены территориальными притязаниями одной среднеазиатской нации к другой.

Узбеки издавна претендуют на Ош и его окрестности (в городе они составляют 50 % населения, тогда как киргизы - чуть больше 30 %). Киргизы заявляют, что входящий в Горно-Бадахшанскую область Таджикистана Мургабский район должен принадлежать им. Таджики утверждают, что

значительные территории на юге Узбекистана, включая Самарканд, – это их собственность. Казахи требуют возвращения ряда районов, отторгнутых у них в пользу Узбекистана при Хрущеве (южная часть Чимкентской области Казахстана вошла в состав Сырдарьинской, Джизакской и Бухарской областей Узбекистана). Наконец, киргизы дают понять, что никакого Казахстана быть вообще не должно, ибо казахи – подвид киргизов (до 1925 года нынешний Казахстан именовался Киргизской АССР!). К тому же Казахстан до 1936 года входил в состав РСФСР и после преобразования в союзную республику “прихватил” кусок Сибири с Семипалатинском, Павлодаром и Усть-Каменогорском, завладел землями семиреченских и уральских казаков, низведенных до положения людей второго сорта, обезземеленных и в конце концов “ликвидированных”. Каракалпакия, кстати сказать, входила в Казахстан на правах автономной области и также административно подчинялась РСФСР.

Казахи полагают, впрочем, что достаточным основанием для притязаний на огромную территорию, где они составляют меньшинство, служит то, что их предки когда-то кочевали в тех местах. Не построив ни одного города, не имея государства и письменности...

Грузины совсем недавно преподнесли рецепт решения национальных противоречий – ликвидировали Юго-Осетинскую автономную область на том основании, что ее не было до 1922 года. Но ведь и самой Грузинской республики не было до 1917 года. Грех большевиков, создавших Южную Осетию, неизмерим,

Но почему тогда прощается грех тех же большевиков, предоставивших Грузии независимость без всякого совета с народом?

Кто спрашивал у русских, выделяя из состава России сначала Киргизскую АССР, а затем преобразуя ее в Казахскую ССР? Кто проводил в 20-х годах плебисцит относительно Донбасса и Новороссии, а в 1954 – относительно Крыма?

Эти и подобные им вопросы возникнут с неизбежностью везде, где прошелся большевистский землемер с маузером за поясом. Недаром сразу же после августовского переворота пресс-секретарь президента России сделал заявление о неокончателности территориального размежевания с Украиной и Казахстаном, а московский мэр Гавриил Попов поспешил разъяснить, что Новороссия, переданная Украине в 20-х годах, и Крым, подаренный ей же в 1954 году по случаю 300-летия воссоединения с Россией, должны быть возвращены прежнему владельцу. А это территория в сотни тысяч квадратных километров с десятками миллионов населения. Да и казахам придется свериться не только со старыми картами, но и с данными статистики, говорящими о подавляющем превосходстве русского населения в северных областях республики.

Заявления эти вызвали ярость у тех, кто только что скандировал на площадях Киева “Ельцин! Ельцин! Россия! Россия!”. О казахских патриотах и говорить нечего.

Когда в начале 1987 года генсек ЦК КПСС сделал остановку в Ташкенте по пути в Индию, он выступил перед местной партийной номенклатурой с призывом крепить идеологические

бастионы, давать отпор враждебной марксизму исламской религии. Послушные высочайшей воле шестерни пропагандистской машины ожили, и она начала выдавать на гора тексты, теле- и радиопередачи, предостерегающие население от интоксикации вредоносными идеями Пророка. Одновременно шла борьба с националистическими “перекосами”, с наглядностью обнаружившими себя во время декабрьских (1986 года) выступлений казахов против назначения русского первым секретарем местной компартии.

Сегодня, всего пять лет спустя после алма-атинских событий, мы узнаем из газет, что казахи протестовали вовсе не из-за назначения иностранца, они, оказывается, отстаивали общедемократические требования. А то, что в рядах этих демократов не было людей иной национальности, чем соплеменники снятого Кунаева, – это, по-видимому, простое совпадение. Как и то, что появившийся недавно на улицах Алма-Аты трижды герой застойной эпохи был встречен аплодисментами толпы, опять-таки казахской.

В Душанбе в начале декабря 1990 года на улицы высыпало множество людей в халатах и тюбетейках. Протестовали против избрания президентом Таджикистана Махкамова, который придерживался центристской позиции и не дал прорваться к власти “исламской партии”. Не прошло и года, как погромщики февраля и смутьяны декабря (их оперативно рассеял спецназ) тоже попали в паладины демократии, подобно алма-атинским “декабристам” 1986-го...

Небритый сосальщик носвоя, с которым я беседовал в юрте, затерянной среди гор Мургабского района, предъявил мне очень длинный список прегрешений русского народа, будто бы поработившего много добродетельных и высокоценных наций. Интересно отметить, что происходило это на территории, издревле заселенной киргизами (90 процентов населения), но почему-то входящей в состав Таджикистана.

Впрочем, по некотором размышлении приверженец смеси табака и золы великодушно согласился разделить два самых низких места между русскими и узбеками – последних он не жалуется за то, что они записали миллионы таджиков, проживающих на их территории, в узбеки и выдали им соответствующие паспорта. Я не остался в долгу и напомнил своему оппоненту, что Горный Бадахшан населен памирскими народностями, которые ни по языку, ни по религии (это исмаилиты), ни по внешности, ни по характеру не похожи на таджиков, что, однако, не помешало последним проделать с памирцами ту же паспортную операцию, которую предприняли узбеки по отношению к сородичам небритого русофоба. Кажется, именно в тот момент, сказав все это, я вдруг почувствовал безразличие к этой нескончаемой дискуссии и впервые сформулировал для себя Главный Вопрос: а на кой хрен нам такая империя?

Пусть ведут свои паспортные войны, пусть кромсают и перекрамсывают кишлаки, районы, области. Пусть – если уж так сильно хочется – режут друг друга и вешают в мясных лавках части тел с ценниками. Но без нас. Мы-то здесь при чем?

Ведь самое главное, что никакой благодарности от всех этих разномастных “черных” народов за наше покровительство не дождешься. Если станем растаскивать дерущихся – будут кричать об империалистических замашках, если сохраним нейтралитет, каждая сторона будет пенять за тайную поддержку противника.

Велик соблазн просто уйти, предоставив мертвым погребать своих мертвецов. Но ведь миллионы русских и русскоязычных – корейцы, немцы, украинцы и другие народности, распыленные в среде аборигенов – будут против. А сделать их топливом межнациональных конфликтов могут не позволить их родственники в России, да и реакция общественного мнения непредсказуема. Так есть ли рецепты водворения спокойствия в районах подковы несчастий и в других местах, где громоздятся трупы жертв перестройки? ..

В Самаркандском музее лет десять назад я остановился перед большим фотоснимком, помещенным на стенде "Колониальная политика русского царизма в Средней Азии". Сцена, увековеченная фотографом в начале века, изображала поезд, стоящий у перрона, спускающегося по ступенькам вагона невысокого коренастого господина в мундире и сапогах и тысячи согбенных спин, обтянутых пестрыми халатами, ровными рядами расположившиеся по перрону. Подпись под фото гласила: "Приезд полицейского исправника в Самарканд". Я внимательно разглядывал снимок и нигде больше не обнаружил носителей имперской власти. Выходит, тысячи жителей славного города повалились на колени не из-за тычков в спину ногойкой.

По всей видимости, нечто незримое заставило людей в халатах выразить свое почтение невеликому чином начальнику в столь экзотической форме.

Думается, что это было переживаемое в образах “Тысячи и одной ночи” государственное сознание.

ЭТНИЧЕСКИЙ ВУЛКАН

Селения, занесенные снегом до крыш, холод значительную часть года. Большинство злаков не вызревает – только ячмень да овес. Картошка по несколько лет кряду гибнет от июньских заморозков. Где это? Таймыр? Чукотка? Нет, Грузия...

Дорога бежит среди голых гор. Куда ни глянь – ни единого деревца. Изредка встречаются озера, блещущие холодной синевой. Бедные, неухоженные деревни горстками рафинада белеют по берегам. Всего два часа езды от Тбилиси, но куда подевалась роскошная растительность, почему, выйдя из машины, дрожишь от холода? Можно подумать, на календаре не лето, а глубокая осень. Да и имя у этого района негрузинское – Богдановский. От села Богдановка.

Въезжаю в Цалку. По улицам бредут типичные селяне - ничто в их одежде и манере держаться не напоминает щеголеватых тбилисцев. Может быть, это и не грузины? Что-то подозрительно часто встречаются русоволосые, а то и совсем блондины.

Да, здесь подавляющее большинство не грузины. Цалка и ряд окрестных деревень населены понтийскими греками, некогда перебравшимися из восточных районов Турции из-за религиозного гнета, Единоверная Российская империя, частью которой с конца XVIII века стала православная Грузия, дала приют потомкам гордых византийцев. Высокогорье, холодное и скудное, предпочли сытому и теплему краю возле Карса и Трапезунда: лишь бы остаться верными Христу, лишь бы сбереженной за столетия мусульманского гнета верой предков не поступиться...

Небольшое село по дороге из Цалки в Богдановку. Сложенная из крупных серо-бордовых камней церковь возносит к небу колоколенку о четырех колонках, увенчанную коротким равносторонним крестом. Вхожу под холодные своды. Голые стены без фресок. Старых или даже сколько-нибудь ценных икон нет, едва ли не половина образов – бумажные, покособившиеся фотографии. Покупаю десяток свеч – они здесь тонюсенькие, желто-серые, не такие, к каким привыкли в России. Ищу взглядом знакомые лики, ибо желаю возжечь жертвенную свечу о заступничестве Святого Димитрия, во имя которого назван один из моих спутников, об исцелении болящих, чьим помощником издревле слывет Святой Пантелеимон. Но, не найдя икон на привычных местах, спрашиваю одну из гречанок, присутствующих в церкви: “Где же святой Димитрий”? Это, знаю, один из самых чтимых небесных заступников Греции. Следует вопрос, переадресованный старушке, торгующей свечами. “Ай-Димитри?” Старуха показывает на

фотокопию образа святого Георгия Победоносца. Как же тогда ориентируются в мире своих святых здешние прихожане?

Спрашиваю, на каком языке ведется служба. На русском, А какой господствует в быту? Турецкий. А греческий? Забыт, За что же страдали, уходя на чужбину, если и язык оставлен, и вера превратилась в магию? "Наверное, есть какое-то зерно, какой-то неразтворимый остаток в душе народа, если он все равно именует себя так же, как и его просвещенные родичи, затерявшиеся в бездне минувших веков. Наверно, есть что-то, что сильнее языка, веры, даже земли...

Об этом размышляешь и в деревне духоборов – до нее от греческих селений час езды. Полтора века живут в иноязычной среде потомки русских сектантов. Выучились говорить и по-грузински, и по-армянски (армяне здесь – преобладающий этнос), но русский сохранили во всей свежести и неприкосновенности, даже прилипчивого кавказского акцента не переняли от окружающих. Землю свою духоборы утратили – не по своей воле, а по произволу верховной власти, усмотревшей в новом религиозном толке опасность для государства. Не знаю, насколько сведущи все они в вопросах веры – может быть, недалеко ушли от своих соседей-греков. Правда, в этом отношении духоборам легче: ни икон, ни попов они не признают. Даже крестов не носят – "Мы не в железо верим, а в Христа". Соответственно и церквей у них нет – только молитвенные дома. Или даже – как в древнейшие времена – в пещере собираются и молитвы возносятся...

И все же различие в глаза бросается: греков (если не знать, что это греки) и за армян, и за турок, и за азербайджанцев принять можно. А вот в духоборах за версту русских признаешь. Да таких, что и в самой России нигде не встретишь. Женщины плавно движутся по широкой улице (село Орловка), как те “серые утицы”, что в народных песнях поминаются, Длинные до земли платья, душегрейки с оборками, яркие фартуки с кружевами, платки на головах повязаны затейливо, на местный лад... Когда заговариваем с ними, отвечают охотно, обстоятельно – совсем это не вяжется с представлением о сектантах, подозрительных и неприветливых.

Народ в духоборческих селениях работающий. Главное его занятие – скотоводство. Может быть, и полем и огородом прокормились бы, если бы климат был помягче. Как раз в день нашего приезда с утра держался такой мороз, что взошедшую картофельную ботву начисто погубило.

Эти несколько сел и деревень, расположенных поблизости от границы Грузии и Армении, дают столько молока и мяса, что обеспечивают потребности ближних и дальних городов, даже в Тбилиси, по словам сопровождавших меня грузин, знают продукцию здешних колхозов.

Впрочем, это положение в самом ближайшем будущем изменится – духоборы переселяются в Чернский район Тульской области, где вновь создаваемые колхозы будут находиться в непосредственной близости от бывшего имения Льва Толстого, много сделавшего для духоборов. Почему же они уходят?

Одна из женщин в Орловке посетовала: “Раньше-то мы своим миром жили, а теперь и армяне и грузины к нам лезут... Не обижайте нас, грузины”... Народ в тревоге, с 1988 года начался отъезд из духоборских деревень. Полтора века державшаяся община может очень быстро распасться. “Лезут” означает внедрение в духоборские деревни инонациональных элементов.

Беседуя в селе Гореловка с местными краеведами и учителями, я услышал такое мнение: “Если в наших деревнях станут покупать дома чужие, мы здесь не останемся, все разом уедут”. Но это только видимая причина беспокойства. Главное, что тревожит духоборов, – обострение межнациональных отношений. Ряд местных органов печати раздувает националистические настроения. Невдалеке идет подлинная война между армянами и азербайджанцами. А здесь, в округе, армяне составляют подавляющее большинство. Грузинское правительство начало селить здесь переселенцев из Аджарии, пострадавшей во время стихийных бедствий.

Характерный пример того, что происходит с русскими селениями “грузинской Сибири” – судьба районного центра Богдановка. Духоборы, нарекшие ее этим именем, полагали, по всей видимости, что все на нашей земле от Бога, даже их собственный несчастный удел... За несколько десятилетий духоборческий центр стал полностью армянским, теперь здесь лишь несколько семей потомков тех, кто основал Богдановку.

Умоляющий взгляд голубых глаз и слова “Не обижайте

нас, грузины”, обращенные к моим спутникам, – эта смиренная формула с предельной краткостью выражает отношение духоборов к происходящему вокруг. Они настолько дорожат своей самобытностью, так болезненно переживают крушение векового уклада жизни, что до слез больно слушать сетования этих людей, когда-то первыми в России провозгласивших свою приверженность ненасилию.

Именно за их отказ брать в руки оружие начались гонения на духоборов. И вот теперь в непосредственной близости от них разгораются междоусобицы, льется кровь, слышатся кличи, исполненные ненависти.

В небольшом историко-этнографическом музее села Гореловка (имя свое оно получило от села Горелое Воронежской губернии, откуда духоборы были высланы в 1841 году) идет стихийно возникший спор. Одни утверждают, что местным русским беспокоиться нечего, другие заявляют, что психологическая атмосфера становится все более невыносимой. Учитель-духобор запальчиво говорит: “Посмотрите, что печатает “Народное образование”! Там есть все, только не о воспитании детей!” Я спросил: “Что, раздаются какие-то угрозы в отношении русских?” “Да нет, – отвечали мне, – но сам тон публикаций, бесконечные претензии к центру, под которым понимается Россия, попытки найти виновника во всех бедах Грузии... Все это и создает нервозность, неуверенность в завтрашнем дне”.

Один из духоборов заметил на это: “К нам у грузинских патриотов претензий нет. Сюда приезжали представители

Народного фронта Грузии, просили нас оставаться, не поддаваться панике. И все же люди уезжают – раньше этот процесс тоже происходил, но тогда речь шла о единицах, а теперь исход принял массовый характер”. Все, с кем мы говорили в Гореловке, подчеркивали, что предстоящий отъезд духоборов в Россию никаких дивидендов Грузии не принесет, напротив, уйдут прекрасные работники, давно приспособившиеся к суровой земле и лучше чем кто-либо научившиеся хозяйствовать на ней. Однако грузинские власти, постоянно подчеркивающие доброжелательность и гостеприимство национального характера грузин, ничего не сделали, чтобы удержать духоборов от бегства, гарантировать целостность их общин, основанных на ненасилии и гуманизме. Когда пожилая духоборка сетовала, что в их деревни “лезут” чужаки, она вовсе не выказывала национальной неприязни к кому бы то ни было – она лишь страшилась за свой крохотный хрупкий мирок, способный уцелеть лишь в условиях национально-религиозной однородности. Для Грузии такой изоляционизм никакой опасности не представлял – полуторавековая история духоборов лучшее тому подтверждение. Сами гореловцы, орловцы и их единоверцы из других селений никуда не “лезут” – ни в управленческие структуры, ни в торговлю, их вполне удовлетворяют занятия скотоводством и скудным земледелием, – это крестьяне по всему строю жизни и мировидению...

Надо сказать, что многие грузины, с которыми мне приходилось беседовать, прекрасно все это понимают и

относятся к духоборам с симпатией. Их беспокоит этнополитическая ситуация в периферийных районах Грузии - и в этом, пожалуй, их мнения сходятся с духоборческими.

За последние десятилетия все высокогорье, прилегающее к Армении, в значительной степени изменило свою национальную окраску. Теперь основную массу населения Джавахетии (так издревле зовется этот край) составляют армяне - даже в районных центрах Богдановка и Ахалкалаки господствует армянская речь. Не потому ли грузинское правительство форсирует переселение аджарцев в эти места?

Особую озабоченность вызывает в Грузии замаячившая на горизонте возможность мусульманской колонизации края". Турки-месхетинцы намеревались провести осенью 1990 года марш мира в те края, откуда их выдворили в годы войны бериевские спец-войска. Впереди должны были идти женщины и дети. Месхетия и Джавахетия назывались конечной целью марша. Почти четыреста тысяч мусульман требуют возвращения в приграничные районы Грузии. Можно представить себе, какие чувства вызывает это у тех, кто и без того озабочен массовой исламизацией восточных местностей республики. К самому Тбилиси придвинулись районы сплошной азербайджанской колонизации; происходил этот процесс параллельно этническим переменам в армяно-грузинском порубежье. В результате теперь грузины составляют у себя в стране около 70% населения.

В Гореловке я спрашивал у духоборов, помнят ли они турок-месхетинцев. Старики отвечали: конечно, они вон тут в пяти верстах от нас жили. “Ну и что за народ?” – выводывал я. Мнение о них у гореловцев неважное: могли в хлев забраться, барана украсть, могли и в дом залезть. Кстати, подобное же мнение о своих соседях высказывали русские сектанты-поселенцы, поселенные одновременно с духоборами в Азербайджане. С.В. Максимов, побывавший в начале 60-х годов XIX века в селах Пришиб, Новоголка и других, расположенных рядом с ними, слышал подобные же характеристики мусульманских соседей, данные обездоленными русскими людьми. Но это так, к слову пришлось. Не думаю, что подобные оценки применимы ко всем мусульманам – и среди тех, кто христианами себя числит, хулиганов хватает.

Однако когда до встревоженных людей такие воспоминания доходят, они становятся вдвое недоверчивее к претендентам на обжитую ими землю. Важно отметить при этом, что соображения религиозного плана не имеют здесь первостепенного значения: “Если они заявят, что являются мусульманизированными грузинами, то пусть приезжают и живут, но если говорят, что они турки, пусть едут в Турцию. Мы ничего не имеем против аджарцев - грузин, принявших ислам в пору турецкого ига, но для тех, кто причисляет себя к чужому народу, земли у нас нет... Мы, конечно, по-человечески сочувствуем тем, кто ни за что ни про что был оторван от родных очагов, но ведь прошло почти полвека, другие люди живут там.

Теперь их надо лишить крова?”. К этим аргументам стоит прислушаться, когда размышляешь о драме турок-месхетинцев...

Как бы ни были убедительны резоны против наплыва иноверцев, когда речь идет о собственных притязаниях на утраченные земли, совесть проделывает замысловатый кульбит и то, в чем отказывали другим ущемленным твоими соплеменниками, становится юридически и морально оправданным.

Именно поэтому все газетные киоски Тбилиси увешаны картами Великой Грузии, с обозначением земель, отобранных соседями – Турцией, Россией, Арменией, Азербайджаном. Все должны Грузии, только она никому ничего не должна, Изумительное состояние духа...

Такие же карты появились немедля после восшествия Ландсбергиса на литовский трон. И опять - все должны, все обирали Великую Литву. А может быть, это она ненадолго стала Великой, обобрав ослабевших соседей? Может, не надо было некогда шакалить в чужом воинском обозе, колесившем по истерзанной самозванцами Руси, - тогда, глядишь, и не пришлось бы сегодня тратиться на бумагу для ностальгических карт?..

Лечу над Цхинвали. Щедрая, благословенная земля – куда ни глянь, зеленые поля и сады уходят к горным отрогам. Но когда через десять минут еду по улицам городка - там и сям вижу закопченные руины. Выжигали дома грузин, спалили грузинскую школу и театр. А по окрестным селениям, где в меньшинстве осетины, все наоборот.

Они подходили к окраинным домам с наступлением темноты и полосовали жилые кварталы из автоматов и пулеметов; кому попадет. Нормальная азиатская междоусобица: первыми убивают старых и слабых. Мужики, заросшие щетиной, отсиживаются днями в захваченных домах, пьют, гадят, затем в сумерках снова идут мстить за родину. А началось все с географических карт, на которых нет места чужакам...

Узел национальных и социально-политических противоречий, затянутый во времена Великого Учителя и его Верного Ученика, вряд ли удастся развязать, потому что при всяком прикосновении к нему страдают миллионы людей. Не оттого ли в бессильном гневе то там, то здесь пытаются наказать памятники. У нас в России повсеместно рушили по приказанию Хрущева сталинские монументы. В Грузии сегодня уничтожают гранитных лениных и орджоникидзе. Не уподобляемся ли мы древнему персидскому владыке Ксерксу, который велел высечь море, разметавшее наведенные им мосты?

У плотины ЗаГЭС, первой электростанции, построенной в Грузии по плану ГОЭЛРО, высится пустой пьедестал. В небольшом городке Цхнети на улице Сталина вижу такой же вакантный постамент. Пуст ленинский пьедестал и в Гори, неподалеку от державного Иосифа Виссарионовича, возносящегося перед зданием бывшего горкома КПСС. К Верному Ученику, как видно, здесь меньше претензий, чем к Великому Учителю.

Ленина грузинам, конечно, чтить не за что, Из политических соображений он уступил кемалистской Турции добрую треть сегодняшней территории Грузии – замечу, что завоевана она была ценой крови нескольких поколений русских солдат. И все же вымещать свои чувства на памятниках – не самый цивилизованный способ установления исторической правды. Русским еще меньше оснований воздавать божеские почести деятелю, с легкостью необыкновенной раздававшему “независимость” кому заблагорассудится. Ни парламент Российский при этом не собирался, ни референдумы не проводились. Для спасения собственной власти сей Учитель отхватил (по Брестскому миру) от территории Российской империи такой кусище, что немцы поперхнулись и не пошел он им на пользу. Правда, премудрый Вождь уверял, что отдал он земли временно, но а если бы Германия не проиграла в мировой войне? Да и что еще он мог сказать в оправдание преступной сделки?

Но даже не в этом дело. Россия век будет помнить, что прибывший из-за границы Гениальный Стратег Мировой Революции сделал вскормивший его народ жертвой наемных “интернациональных” шаек (ударную силу большевиков составляли латыши, китайцы (100 тысяч!), венгры, немцы, эстонцы и др.).

Те, кто начал с предъявления упреков русским за прегрешения коммунистического режима, с закономерностью “напоролись на то, за что боролись”. Им переадресовываются обвинения в организации геноцида и удушении демократии.

Грузинам выписывают счет на миллионы умученных Сталиным и грузинской верхушкой НКВД. Евреям предъявляют улики в виде списков, в которых значатся почти все члены ленинского руководства.

Русская националистическая газета грозно вопрошает: “Политиканы Латвии! Коли вы поминаете имя Бога всеу, вспомните его слова: “Каждому воздам по делам его”. Вы много кричите о тайных статьях пакта Молотова-Риббентропа. Я осмелюсь утверждать, что договор 1920 года также имел тайные статьи. Латгалию, так же как Эстония Нарву и Изборск, вы получили за уничтожение Северо-Западной русской армии, против которой вы выступили в союзе с большевистской Россией.

Политиканы Латвии! Вы утверждаете, что договор 1939 года о вхождении Латвии в состав СССР незаконен, а вот договор 1920 года единственно законен. Так ли это? Ведь этот мирный договор между Латвией и Советской Россией подписали представители двух юридически незаконных правительств. Одно оказалось у власти путем военного переворота, разогнав избранное народом Учредительное собрание, другое также пришло к власти не свободными выборами, а на немецких и английских штыках. И само правительство РСФСР, и его уполномоченные – Адольф Абрамович Иоффе и Яков Станиславович Ганецкий не являлись законными представителями народов России. Вот и получается, что договор 1920 года - еще менее законный, чем договор 1940-го”.

Если так пойдет дальше, то неизбежным итогом будет силовое разрешение спора о главном виновнике “Великого Октября”. Ясно, что не поздоровится меньшинству. Самое благоразумное – не расчесывать старые раны...

Тем не менее, национально-патриотические организации Грузии инфицированы русофобией. Это не “само собой” произошло - газеты, журналы, телепередачи, находящиеся под контролем публики, долгие годы обретавшейся на положении холуев агитпропа ЦК КПСС, сегодня работают над фальсификацией исторических фактов. Россия, оказавшаяся первой жертвой безбожного Интернационала, преподносится чуть ли не как праматерь коммунизма. Подчинение наций и попытки унификации культур в 1920-30-е годы выдаются за “продолжение политики царизма”. Между тем ни один народ не вел подобно русским столь продолжительную национально-освободительную войну против поработителей – с 1918 по 1922 год...

Сегодня под малиново-бело-черным знаменем исторической Грузии сплотилось молодое поколение страны. Жаль, если представление о прошлом оно почерпнет от “посредников”, заправляющих сегодня во во многих изданиях Москвы. Не принять бы в борьбе за будущее рецепты тех, кто однажды уже пустил под нож наше общее прошлое.

Русский писатель Сергей Васильевич Максимов, на которого я уже ссылался, писал после своего посещения Кавказа в начале 60-х годов XIX века: “Русские как народ господствующий, повелевающий Кавказом и Закавказьем, живут

рассеянно по всем местностям этих обширных стран, которые ожидает прекрасное и блестящее будущее”.

Сегодня очень многие хотели бы отредактировать первую часть этой фразы. Что ж, вольному воля. Но не пришлось бы тогда редактировать и вторую. Взаимное озлобление русских и грузин ни к чему хорошему не приведет. Особенно печальными последствия такого размежевания могут стать для Грузии. Народ в России и так на взводе из-за нашествия спекулянтов и мошенников с Кавказа – то и дело появляются сведения о погромах “черных” в смиренных городах Поволжья и Сибири.

Когда сегодня Владимир Жириновский заявляет на митингах, что Кавказ необходимо заставить жить по средствам, что надо помочь грузинам узнать цену русского металла, леса и машин, это вызывает бурю аплодисментов. Не надо недооценивать, что в подсознание миллионов крепко вбита ассоциация: грузин – опасность – насилие – страх. Три десятилетия хозяйничал в Кремле Джугашвили, окруженный грузинской гвардией, пролившей море русской крови. Берия, Кобулов, Деканозов и десятки других грузин во главе карательной машины сталинизма не забыты. Поэтому вовсе не благоразумно раздражать русских определениями “рабы”, “бараны”, весьма часто слетающими с уст кавказских патриотов.

На заключительной пресс-конференции по итогам президентских выборов в России Жириновский заявил на вопрос одного из корреспондентов: “Я нарочно выпущу Грузию и Литву из состава Союза, чтобы показать всем остальным, что с ними будет... Надо, чтобы все поняли, прочувствовали

справедливость русской пословицы, “Пока гром не грянет, мужик не перекрестится”. Мы будем великодушны, мы подадим им зонтик, когда над ними разразится гроза. Вы увидите: все они встанут под кремлевский зонтик, но уже не в виде республик, а губерний... Поймите, во мне нет ничего коричневого, нет никакой диктатуры – я буду действовать только через экономику. Они сами увидят, что они гибнут, там будет социальный взрыв. Уже сегодня мне звонят из Сухуми и говорят: “На кой черт нам нужен Гамсахурдиа – у нас пятьдесят рублей стоит килограмм сыра”. Когда я стану президентом России и наведу порядок во взаимоотношениях России и Грузии – у них сыр будет стоить сто рублей килограмм. И Грузия восстанет, она свергнет этот режим. Это сделают сами грузины. Мы не вмешаемся, ни одного солдата там не будет... Гамсахурдиа, правда, уже вооружил 60 тысяч боевиков, призванных в грузинскую гвардию вместо призыва в советскую армию, и вооружил их он ворованным советским оружием. Я оружие заберу. Грузия будет выходить с охотничьими двустволками, а если и они окажутся продукцией Тульского завода, значит, и двустволки заберу. Тогда они выйдут с кинжалами, в своей национальной одежде и с кусочком засохшего сыра в переметной суме... Я изыму все советское оружие. Пусть они создадут свои военные заводы, выплавят металл, подготовят специалистов и производят свое грузинское оружие”...

Если сделать поправку на обычную экспансивность стиля, то предупреждение Жириновского должны внимательно проанализировать на склонах этнического вулкана, каким

является Кавказ. Ибо такие высказывания на ура принимаются миллионами русских.

КАРКАС ОБВЕТШАЛОГО ЗДАНИЯ

Вертолет несется над желтыми выжженными холмами, опоясанными строчками овечьих троп. Нигде ни деревца, ни пятнышка воды. И когда вдали из-за горизонта возникают снеговые шапки гор, а затем и лесистые склоны, в душе веет прохладой. Даже смотреть на этот зеленый массив, вздыбившийся над опаленным солнцем плато – словно холодные струи ловить изжаждавшимся ртом.

Мы летим над сплошными горными лесами, Среди растительности то и дело посверкивают ручьи и речки. На пологих местах расстелились колоссящиеся поля.

Я кричу на ухо сидящему рядом офицеру, чтобы перекрыть рев винтов:

- Что это?

- Карабах. Мне все враз становится ясно, хотя за несколько лет перед тем сотни публикаций не смогли растолковать мне суть векового спора из-за этого куска земли. Ничего не надо читать, надо приехать сюда и один раз увидеть, что такое Карабах. А лучше всего прилететь вот так – сначала долго тащиться над безжизненными сопками Западного Азербайджана, а потом разом узреть возникающую из-за окоема снежно-зеленую громадину.

Это действительно жемчужина Кавказа. За такую землю можно положить жизнь. Что исправно и делает чуть не каждое

поколение армян и азербайджанцев. Последним трем, правда, мешал заняться этим советский режим, установившийся здесь после чудовищных зверств армяно-азербайджанской войны 1920 года.

Вертолет зависает над окраиной Агдама. Внизу видны парк военных грузовиков, артиллерия, посты, укрепленные мешками с песком. Генерал, сидящий рядом с кабиной пилотов, приказывает садиться, и машина снижается, вздымая пыль и сухие стебли.

Я прилетел сюда с оказией – два генерала из штаба Закавказского военного округа (ЗакВО) нагрянули в местный гарнизон для разбирательства о побеге вооруженного солдата, несшего караульную службу. В шести километрах отсюда начинается знаменитая дорога на Степанакерт, на которой то и дело обстреливают автомобили. В горах бродят банды, оснащенные всеми видами оружия. Так что оставление поста, чреватое нападением боевиков на склады боеприпасов, – дело действительно нешуточное.

Пока генералы наводили страху на командование части, я побывал в городе, потолковал с местными, которые, как выяснилось, все за советскую власть, походил по базару, поразившему низкими ценами (в 3 раза дешевле, чем в Тбилиси). Вернувшись, долго ждал в тени черешневых деревьев, когда окончатся разборки и мы сможем лететь дальше.

Проходившие мимо меня солдаты в мешковатой форме, в плохо вычищенных сапогах всем своим видом свидетельствовали о неблагополучии, о безразличии,

воцарившихся в этом захолустном гарнизоне. Один идет волоча ноги, другой раскачивается из стороны в сторону, у третьего подворотничок не подшит. И это в момент, когда проходит генеральская проверка! Что же тут в будни творится.

Когда, наконец, вылетаем из Агдама, один из генералов, двухметровый аварец с волосатыми руками и крупным носом, поливает несчастных ротозеев отборными фразами, достойными Билли Бонса. Постепенно, направляемый моими вопросами, переходит к оценке политической ситуации: здесь корень процессов распада, от которых страдает армия.

Чертовы хлюпики наверху не дают нормальным мужикам навести порядок! Ведь тут было все тип-топ, когда генерал Макашов арестовал комитет “Карабах”, а мы похватали после 12 апреля Гамсахурдию и его дружков. Лицо генерала оживилось, он смеется и, доверительно склонившись ко мне, кричит (винты все так же молотят над нами):

- Его дружок (он называет имя близкого сподвижника нынешнего президента Грузии) навалил в штаны, когда мы всех их взяли. Взмолился: не везите сразу в тюрьму, заедем на пять минут ко мне – помыться и переодеться. Вот такие они борцы. Одной дивизии хватит разогнать всю эту шпану...

Я задаю собеседнику (если надсадные крики под рев вертолетного двигателя можно назвать беседой) вопрос о Макашове; как он проявил себя здесь.

- Крепкий мужик, честняга. И все местные его уважали, хоть он им спуску не давал.

Одиннадцать лет, в общей сложности, Макашов служил в Закавказье. Командовал дивизионной разведротой, был начальником разведки танкового полка, затем постепенно поднялся по служебной лестнице до заместителя командующего ЗакВО. Во время карабахских событий и последовавших за ними столкновений по всему армяно-азербайджанскому порубежью занимал должности военного коменданта Нахичевани и Еревана, когда там вводилось военное положение, арестовывал незаконный тогда комитет “Карабах”, заваривший закавказскую кашу.

В Нахичевани его уговаривали занять пост первого секретаря обкома КПСС – в то время это было равнозначно должности генерал-губернатора, а может, и больше. Но и по другую сторону границы между “братскими республиками” – в Армении – его жаловали: “Макаш” звали, благодарили, что блокаду снял.

В Тбилиси, когда я беседовал с работниками местного Совмина об экономических делах, разговор вдруг соскользнул с главной темы на привычное для грузин: все знаменитые русские – это не русские. И, разумеется, очень многие из них грузины: Петр 1, Багратион и проч., и проч. Тут-то и прозвучала фамилия Макашова.

- Вы думаете, он русский? Посмотрите на его лицо – нос какой. Орел! А такую русскую фамилию вы слышали? Что это значит: Макашов? От какого-то макаша? Нет такого русского слова. А вот у нас есть такая фамилия – очень известная: князь Макашвили!

Не знаю, мог ли княжеский род захудать до такой степени, что последнему перед генерал-полковником Макашовым его представителю пришлось служить сверхсрочником в армии. Михаилу Ивановичу Макашову и его супруге-медсестре Анне Федоровне, наверно, и в мечтах не представлялось, что их сын достигнет таких высот.

Альберт – это имя, наверное, символизировало для его родителей-бедняков иную жизнь, чем та, которой жили они сами. Были они, по-видимому, во всем детьми своего времени - а тогда (дата рождения будущего генерала 12 июня 1938 года) все русское, казалось, навсегда изгнано из ежедневного обихода. Иначе как понять, что для родившегося в один день с Петром Великим подыскивали такое заморское имя в честь героя романа Жорж Санд “Консуэло”. А крестили Альберта Михайловича лишь пяти лет отроду в воронежской деревеньке Красный Лог и нарекли в крещении Дмитрием. Невдалеке громыхал фронт, пол-России было под немецким сапогом, и теперь слова из подзабытого лексикона перепархивали с газетных страниц в речи дикторов московского радио. “Русский народ”, “патриотизм”, “Отечество”, “держава” были возвращены из бессрочной ссылки – кремлевские грузины и их приближенные собрались воевать до последнего русского...

В двенадцатилетнем возрасте Альберт поступает в Воронежское суворовское училище. Их тогда только создали по образцу дореволюционных кадетских корпусов. Многие в те годы возвращалось - и погоны, и мундиры гражданских ведомств, и кое-что из старой культуры. Трудно было сразу выбросить

патриотизм за ненужностью – прошедшие войну миллионы солдат стали думать и чувствовать совсем по-иному, чем полагалось им согласно “единственно верному учению”.

В суворовском старались воспитать военную элиту, а она мыслилась как элита страны. Учили хорошим манерам, танцам – с тех пор Макашов отличный танцор, – иностранным языкам, преподавали литературу, музыку. Много времени посвящали спорту. Выйдя из училища с аттестатом и дипломом военного переводчика с немецкого языка, Альберт Михайлович поступил в Тамбовское, а затем в Ташкентское общевойсковое командное училище.

Промчались годы службы – Германия, Закавказье, И снова учеба – две военные академии закончил с отличием Альберт Макашов: имени Фрунзе и Генерального штаба. Это максимально возможное для военного.

Он удивительно быстро делал карьеру - в сорок один год Макашов получает право носить лампасы. Без всяких мохнатых лап, без годов службы в центральном аппарате, где можно попасть на глаза начальству, завести связи. Образно выражаясь, это толстовский капитан Тушин, которому посчастливилось пробиться в высший генералитет.

Ощущение того, что все в жизни Макашова заработано горбом, возникает у всех его знающих. Александр Невзоров, снимавший о нем передачу в дни кампании по выборам президента России, говорит: “Вот Макашов. Чем от них от всех отличается? Он честный провинциальный генерал, который чего-то решил стать президентом. Который... Он сродни тому человеку,

который увидел кучу говна на дороге и не обходит, не поднимает ноги, а убирает его. Вот этим он, конечно, подкупает очень сильно. Но он – генерал!.. Я думаю, вы понимаете меня”.

Служебный рост генерала, проходивший в таком быстром темпе, вдруг оказался под вопросом. Получив в пятьдесят лет под командование крупнейший в стране Приволжско-Уральский военный округ (в него входят 10 областей и 7 автономных республик) с населением 40 миллионов человек, будучи избран в народные депутаты СССР на альтернативных выборах, он вполне смотрелся бы как кандидат на высшие должности в вооруженных силах. Однако вместо этого поползли упорные слухи о скором снятии Макашова: в его округ потянулись одна высокая комиссия за другой – придирчиво изучали положение в частях, заботливо коллекционировали обнаруженные недостатки. Лишь депутатство оказалось для него спасительной броней, да и то ненадолго.

Ныне он живет на даче (которую, кстати, занимал перед своим арестом в 1937 году тогдашний командующий Приволжским округом маршал Тухачевский) в ожидании решения своей участи. И не исключает, что биографические совпадения с Тухачевским могут не кончиться на командовании одним и тем же округом в годы опалы...

В чем же причина столь резкого поворота в карьере баловня судьбы? Может быть, изменилось счастливое для него расположение звезд? Нет, Макашов проявил типично провинциальное простодушие, решив, что толки в газетах о демократизации, о ликвидации зон, закрытых для критики, не беспочвенны. И, взяв слово на учредительном съезде Российской

компартии 19 июня 1990 года, обрушился с позиций защитника социализма на Горбачева и его приближенных:

“В любом государстве за подрыв боеспособности своих вооруженных сил привлекают к ответственности. А если этого не делает правительство, то народ может побить предателей камнями... и когда загремит, никакими уже призывами и партийными мобилизациями делу не поможешь. Патриотизм воспитывается веками, а разрушается “желтой” прессой и телевидением за два года, Не видеть этого может только слепой или злоумышленник”...

Эти слова, явно целившие в президента, вызвали бурю аплодисментов. В довершение ко всему Макашов заявил, что главу государства, почему-то избежавшего призыва на военную службу, хорошо было бы отправить послужить пару лет – это не вредно для главнокомандующего.

Уже на следующий день имя генерала на все лады повторяли в выпусках новостей и в газетных передовицах. Официозная печать и печать оппозиционная слились в экстазе поношения. Был наконец-то обнаружен настоящий враг перестройки - не то что стареющая преподавательница из Ленинграда Нина Андреева, представленная прессой как некая фурия консерватизма. Газета Верховного Совета СССР “Известия” потребовала в передовой статье отставки генерала.

То, что говорил командующий ПУрВО, понимается многими как ретроградность. Но такой образ мыслей ни для кого не новость, все прекрасно знают, что его разделяет едва ли не большинство населения страны. Гнев прессы был столь

неподделен из-за того, что кто-то решился “озвучить” эти мысли, Критика Горбачева со стороны оппозиции, называющей себя левой, принималась как нечто само собой разумеющееся, но стоило открыть рот “правому”, как начался гвалт. Эта кампания сразу консолидировала сторонников консервативной линии, а Макашову обеспечила известность.

В случае с генералом-депутатом печать разыграла тот же спектакль, что за три года до того – с Ельциным. Она в мгновение ока возвела политический нуль в весомую единицу. Если бы не июньско-июльская кампания 1990 года против Макашова, он не смог бы рассчитывать на выдвижение в кандидаты на пост президента России. А этот трехнедельный фарс превратил генерала в политический символ. За один год, благодаря стараниям про-горбачевевской печати дискредитировать враждебный лагерь, на пустынной дотоле стороне политическом горизонта начали появляться одна фигура за другой. И разговоры об отсутствии альтернативы политике Горбачева и его окружению постепенно прекратились. Обрисовалась достаточно многочисленная команда, которая вселила надежды на успех у тех, кто еще недавно пессимистически предавал себя на волю Провидения...

Первый этап борьбы против “макашизма”³ закончился в связи с XXV III съездом КПСС, собравшимся в конце июля 1990

³ Любимый прием советской печати – формировать негативный образ противника, обыгрывая любое созвучие с фашизмом. От фамилии Макашова было создано производное “макашизм”, от

года. Более значимые в то время политические фигуры заняли внимание прессы. Но почти сразу же по завершении партийного форума имя генерала всплыло вновь – журналисты обнаружили, что он был главным вдохновителем Саддама Хусейна на агрессию против Кувейта. Одна из новых газет – “Начало” – сообщила в сентябре 1990 года, что Макашов отправлен в Ирак главным военным советником, дабы таким образом укрепить Саддама в его намерении применить силу. Корреспондент опасливо ссылаясь на высокое должностное лицо:

“25 июля. Член Президентского совета (его имя автор предпочитает не называть), выступая в одном из научных институтов АН СССР, замечает в ответ на реплику из зала: “Макашов? Макашов уже в Ираке!” При этом присутствует три сотни человек (включая автора)”.

Вероятно, эти строки не попались на глаза генералу, иначе у неназванного сановника могли быть большие неприятности. Ведь публично выступивший с подобными утверждениями депутат Самарского областного совета был вынужден по суду принести свои извинения избирателям. Официально было объявлено, что Макашов никогда в Ирак не ездил, а следовательно, в порочащих связях с диктатором замечен не был.

фамилии курдского публициста Карема Раша, занимающего православно-консервативные позиции, – “рашизм”, от названия телевизионного цикла Александра Невзорова “Наши” – нацизм”.

После летних скандалов 90-го года наступило затишье. Пресса словно позабыла о существовании “реакционера в генерал-полковничьих погонах”, тем более что объявился новый противник Горбачева, на сей раз коллективный – депутатская группа “Союз”, первая по численности в советском парламенте. А лидер ее полковник Алкснис даже посмел заявить, что президент остался без армии. Это-то высказывание и называли “ультиматумом Алксниса”.

Но выступления “черного полковника”, по сути дела, развивали тему, заявленную Макашовым. Критикуя авторов неумело проводимой конверсии военной промышленности, он шел по стопам генерала. Нападая на внешнеполитические просчеты Эдуарда Шеварднадзе, по сути дела, повторял основные аргументы командующего ПУрВО.

В сложившейся к концу 1990 года политической ситуации наконец-то определились основные противостоящие фигуры. Наконец-то – к вящей радости и “левых” и “правых”⁴. Макашов

⁴ Выступая весной 1991 года в Белоруссии, Горбачев обозначил свое понимание левых и правых. По его мнению, классическое европейское деление на политические фланги у нас вывернуто наизнанку: сторонники частной собственности и капитализма именуют себя левыми, а тех, кто за социализм, нарекли правыми. Уточнение Горбачева совершенно справедливо. Однако он не объяснил, а может быть, и не понял причину этого явления. Советские “левые” эксплуатируют наработанные десятилетиями стереотипы коммунистической пропаганды, которая вколотила в сознание миллионов, что термины “левый”, “революция”, “народ”, “трудящиеся”

при такой раскладке сделался одной из ключевых фигур в начавшейся партии политических шахмат.

В условиях, когда КПСС шла к своему распаду, начали выкристаллизовываться новые противостоящие силы. С одной стороны – “Движение за демократические реформы” во главе с Е. Яковлевым, Э. Шеварднадзе, А. Собчаком и другими хорошо всем знакомыми коммунистами-горбачевистами. С другой – Народно-патриотическое движение, о создании которого объявили ряд высших функционеров Российской компартии, известные военачальники, писатели.

Генерал-полковник Макашов незадолго до августовского переворота объявил о своем намерении добиваться поста

имеют оценочный характер. Точно так же, как “консерватор”, “монархист”, “правый”. Нажимая на эти стереотипы общественного сознания, пропагандистская машина новых “левых” старается вызвать своего рода условный рефлекс: революция – хорошо, правый – плохо. Классический пример использования такого оценочного лексикона – наполненные коммунистическими штампами речи Ельцина, зовущие к светлому капиталистическому завтра, хотя от четкого обозначения сути предлагаемого переворота он постоянно уклоняется в силу той же причины: слишком негативна идеологическая окрашенность слова “капитализм”. Ибо до тех пор борьба велась по законам аппаратных игр прошедшей эпохи: противники поименно не назывались, прегрешения их определялись в самой обобщенной, а то и метафорической форме.

президента СССР. Если бы это произошло, его кандидатура могла спроецировать на себя политические ожидания влиятельнейших сил: армии, внутренних войск, среднего звена коммунистической номенклатуры, примыкающей к Народно-патриотическому движению.

В условиях, когда основная консолидирующая сила – КПСС – исчезла с политической сцены, единственным каркасом обветшавшего государственного здания остается армия. В условиях же департизации и деполитизации не исключено, что политики вообще потеряют контроль над вооруженными силами, ибо система политорганов, подчиненных ЦК КПСС – институт партийного стукачества – упразднена. Впервые армия остается наедине со своим представлениями о мире. В веймарской Германии излюбленным объектом проклятий со стороны военных были “ноябрьские предатели – те революционные политики, которые “украли плоды побед на поле брани”. В сегодняшней России могут появиться “августовские предатели” – если сотни тысяч офицеров, выведенных из стран Восточной Европы и из бывших советских республик, будут мыкаться по баракам, а единственным “утешителем” их окажется телевидение, повествующее об удачливых миллионерах и призывающее приобретать товары и пропитание только за СКВ (свободно конвертируемую валюту). И как бы ни грели себя мечтами о молодом вольнодумном офицерстве в демократических гостиных, верх в этой среде, скорее всего, возьмут сторонники твердой руки.

Тогда разгневанные бонапарты обратятся к подшивкам старых газет, чтобы свериться с политическим пульсом генерал-полковника Макашова, “пострадавшего за правду”:

“Возможно, качества прямого и честного руководства как никогда необходимы нам в эпоху лжи, обмана, себялюбия и всеобщей политической проституции”... (Из выступления на съезде народных депутатов РСФСР. Май, 1991 года).

“События последних лет привели к хаосу. Нельзя быть руководителем и быть мягким. Я напому Наполеона: он говорил Людовику, королю Голландии: брат мой, если о короле вспоминают, что он был добрый, значит, его царствие не удалось” (Независимая газета, 21 мая 1991 года).

“Я за немедленное прекращение антикоммунистической, антигосударственной и антиармейской истерии, ибо это сегодня основной фактор дестабилизации общества. Я за то, чтобы обеспечить ответственность средств массовой пропаганды за подачу заведомо ложной информации, материалов, призывающих к свержению конституционного строя, провоцирующих население на массовые беспорядки. У нас есть Закон о печати, в котором предусмотрена такая ответственность. Я выступаю за строгое, строжайшее выполнение существующей Конституции и законов. Если говорить о диктатуре - я за диктатуру закона. Я не обещаю благ ни за 500, ни за 1000 дней и ночей. РСФСР должна быть республикой рабочих, крестьян, творческой и трудовой интеллигенции – патриотов своей Родины, а не космополитов, тунеядцев, спекулянтов и

проходимцев. (“Не вижу Россию без Союза и Союз без России”. Правда, 29 мая 1991 года).

“Честным предпринимателям и кооператорам, как я уже сказал в начале беседы, бояться нечего. Напротив, они только выиграют от укрепления государственного сектора и властных структур. Тогда им не придется заниматься махинациями, обманом, взятками, что неизбежно в условиях хаоса, почти полной бесконтрольности и вседозволенности. Я считаю, что предприниматель, к примеру, может открыто заработать и вывести за рубеж, скажем, 10 миллионов, если государство получило от него 50. А вот со всяким жульем, с теми, кто берет у государства 50 миллионов, возвращая ему 10, а то и вообще ни копейки, надо бороться беспощадно.

Что же касается Запада, то какие бы законы мы ни принимали, его предприниматели пойдут к нам лишь тогда, когда почувствуют в стране стабильность и сильную государственную власть, четкие, строго соблюдаемые правила игры. А именно на это и нацелена моя программа...

Так очнитесь же, люди русские! Поймите, наконец, что враг снова у стен Сталинграда – еще более могущественный, чем прежде, ибо разлагает нас изнутри и уже преуспел в этом. Пора остановить распад страны и деградацию великого народа, передав государственный руль в твердые и честные руки патриотических сил, а я выдвинул именно ими. Время прекраснодушных болтунов и кукольных политиканов прошло, наступила пора людей дела!” (Советская Россия, 8 июня 1991 года).

Перед выборами в президенты РСФСР армейские политорганы открестились от Макашова, призвав голосовать за экс-премьера Рыжкова. В дальнейшем этот факт может украсить биографию Макашова. И, несмотря на отстранение от командования после событий августа 91-го года, Макашов имеет шансы остаться на плаву как политический деятель.

Причиной крушения его военной карьеры стало то, что он направил шифротелеграмму в адрес ГКЧП: "Удивлены неприятием мер к Ельцину и его окружению". Это дискредитирует его в глазах тех, кто воспринимает сегодняшнюю политическую реальность как правовое государство, но для огромной массы людей это вовсе не криминал. Тем более что августовские революционеры во главе с Б. Ельциным и Г. Поповым демонстрируют весьма вольное обращение с законом: запрещают партии, организации и органы печати, что позволено делать лишь по суду или в условиях чрезвычайного положения, лишают работы и собственности массу людей за политические позиции. И тем самым создают идеальный питательный бульон для взращивания страдальцев, таких же, какими совсем недавно числились сами. Во всяком случае, если Макашову удастся выполнить свое обещание и он выставит свою кандидатуру на пост президента того образования, которое заменит СССР (пока такие выборы теоретически не исключаются), у него есть все шансы стать армейским фаворитом. Сие, конечно, не значит, что у него появится реальная возможность занять вакансию Горбачева. Однако это не главное в данном случае.

Представим себе, что произойдет, если кандидат, на которого будет ставить армия, потерпит поражение. Понятно, что борьба против него со стороны средств массовой информации, где безраздельно господствуют сторонники нынешнего истеблишмента, будет воспринята военными как поход против армии. Горечь же поражения против “клики компрадоров и агентов криминального капитала” может вообще развести вооруженные силы и политиков, стоящих у власти, по разные стороны баррикад. В таких условиях, усугубленных общенациональным кризисом и обнищанием армии, стоит появиться одному “броненосцу Потемкину”, как вооруженные силы если и не перейдут на его сторону, то и противодействия не окажут.

Народно-патриотическое движение, пока еще только провозвещенное в “Слове к народу” – манифесте консервативных сил, опубликованном за месяц до августовского переворота, – обладает огромным кадровым потенциалом: средний слой функционеров КПСС, аппарат КГБ, интеллигенция, отстраненная от участия в доходах узкого слоя деловых людей, руководители и инженерно-технические работники военно-промышленного комплекса. Все это дисциплинированное воинство может составить своего рода кристаллическую решетку новых жизнеспособных структур.

Но оставим пока прогнозы. В свете происходящего сейчас разложения армии борьба между двумя политическими блоками может стать гонкой к той черте, за которой не окажется победителей...

В Цхинвали в распоряжении осетин оказалось много такого оружия, которое на базаре не купишь: НУРСы (неуправляемые ракетные снаряды), подвешиваемые на вертолетах, минометы, артиллерия, крупнокалиберные пулеметы. Грузины винят армию в передаче вооружения противоборствующей стороне. Когда я спрашивал офицеров расквартированного в Цхинвали вертолетного полка, могло ли названное смертоносное добро попасть в руки гражданских по указанию воинского начальника, меня поднимали на смех. Источник всегда один во всех районах межнациональной напряженности. Это прапорщики из местных. Они имеют доступ практически ко всем жизненно важным центрам воинских частей. В Цхинвали, как только по приказу Гамсахурдиа в город ввели грузинскую милицию, вооруженную стрелковым оружием, здешние прапорщики-осетины стали то и дело пропадать из расположения части, и вскоре в ответ на автоматные очереди грузин загремели выстрелы с осетинской стороны".

Доходило до анекдотов... Идущего из расположения част офицера поджидают несколько осетин. Окружают и начинают расспрашивать: что делать с такой вот штукой? Следуют попытки изобразить жестами неведомую "штуку", потом рисуют прутом на земле. И летчик с ужасом узнает на рисунке огромную управляемую ракету, которую можно подцепить к боевой машине только с помощью подъемника.

Другая компания осетин уперла со склада базуку, дающую при выстреле отдачу в две тонны, и затащила ее на крышу к одному из мстителей. С наступлением темноты шарахнули из

нее по грузинским позициям - дом обрушился вместе с хозяином и его сподвижниками.

Когда местом действия таких мрачных скетчей остается небольшая область на Кавказе, это еще можно пережить. Но если национально или – еще хуже - политически озабоченный прапорщик станет привычной фигурой по всей стране?

Проводившаяся несколько лет кампания “левой” печати против дедовщины в армии и привилегий генералитета дала свои плоды: общественность стала негативно относиться к людям в военной форме, а они, в свою очередь, приобрели некий комплекс вины перед гражданскими. Цели, ставившиеся инициаторами этих выступлений, понятны; разрушив армейскую субординацию, ослабив дисциплину, можно лишить политического противника главной потенциальной опоры и предотвратить выступление консервативно настроенных генералов.

События 19-21 августа, казалось бы, подтвердили правильность избранной тактики, Однако анализ происшедшего показывает: фактов перехода воинских соединений на сторону “восставших” не было, если не считать таковыми водружение на нескольких БТРах российских триколоров на излете “странного переворота”.

То, что происходит в недрах армии, не во всем совпадает с процессами в гражданском обществе. И оптимистов слева при оценке происходящего подводит приверженность к стереотипам, они верят, что затверженная с детских лет деструктивная тактика большевиков летом 1917 года применима

и ныне. Но ведь тогдашние вооруженные силы из-за огромных потерь на фронте утратили свой корпоративный характер и представляли собой одетых в шинели вчерашних студентов и крестьян, жаждавших вернуться к земле. Сегодня ущемление в значительной степени профессиональной армии (особенно это касается авиации, десантных, танковых и ракетных частей) может способствовать появлению нового генерала Корнилова, пользующегося широкой поддержкой многомиллионной массы вооруженных людей.

Часто говорят в этой связи, что в России нет традиции военных переворотов. Но на деле армия очень часто вмешивалась в политику: стрельцы пытались свергнуть Петра I, гвардия низложила Иоанна Антоновича и Петра III. Убийство Павла I также дело рук военных. Декабристское восстание – классический армейский путч.

А то, что произошло 19 августа, - это ведь своего рода снятие табу с темы военного переворота в наши дни. Печать, на все лады обсуждающая просчеты организаторов этой акции, восславляющая капитана Саблина, поднявшего бунт на корабле в годы Брежнева, дает немалую пищу для размышлений тем, кто остался без духовного окормления политорганов.

Каковы же в таком контексте шансы генерала Макашова стать русским Гинденбургом или де Голлем в случае конституционного прихода к власти, либо Пиночетом, Франко, Насером, Пак Чжон Хи при насильственном ее захвате?

Прежде всего надо понять, каково восприятие его личности в обществе. Ведь во многом решает успех или неуспех политика сложившийся в массах его образ.

Если говорить об интеллигенции, то она настроена однозначно против: его прямолинейные высказывания в пользу социализма, ссылки на интересы рабочих и крестьян вызывают в памяти самые затертые штампы советской пропаганды. К тому же Макашов вызывает в образованных слоях неприязнь своими манерами, по-армейски неотесанной речью. Он произносит слова с южнорусской “г”⁵, что считается едва ли не родовым знаком принадлежности к малокультурным слоям, употребляет простонародные выражения то и дело вставляет армейские словечки вроде “докладываю”. Пресса долго обыгрывала простодушное признание Макашова, сделанное во время телевизионного выступления, что он пять лет не был в ресторане, а когда недавно зашел туда пообедать, то был потрясен высокой стоимостью борща.

А вот простому люду Макашов вполне может прийти по сердцу. Во всяком случае, оторопь при виде двенадцатирублевого борща, которую элита ни в коем случае не продемонстрирует, “низший” выкажет со всей необузданностью души. Ему, возможно, покажутся не столь уж

⁵ Что оказывается весьма уместно, когда генерал говорит по-немецки. А “чешет” он, кстати сказать, весьма бойко, вставляет в речь пословицы и идиомы.

коробящими и обещания Макашова разгромить спекулянтов, кооператоров и всякого рода бизнесменов.

Тот же Невзоров, чувствуя эту струнку советского человека, говорит на встрече с рабочими: “Макашов приехал и говорит: знаешь, у меня здесь живет дочь... В смысле, здесь, в Ленинграде. И надо бы ее найти. Выяснилось, что он не знает ее новой фамилии. Знает только ее девичью. И он не нашел свою дочку – она здесь замужем за военным служащим. То есть он действительно до такой степени весь утоплен в делах этого своего округа, что, насколько я себе представляю, у него тоже никакой личной жизни нет. И вообще похоже на то, что у него действительно не было денег дать взятку, чтобы дети получили высшее образование. Это очень похоже на него. Он такой вот, он очень простой мужик... Очень надежный. Единственное, конечно, - он не очень хорошо говорит”...

Невзоров пытался вызвать к Макашову симпатии сердобольных русских простолюдинов, когда представил в телепередаче 3 июня 1991 года своего героя как некоего Дон Кихота, бросившего вызов судьбе. Станный генерал, который, конечно, не имеет шансов на успех, поставивший на кон свое доброе имя и карьеру... Камера скользит по лицам рослых гвардейцев в пятнистой форме. Гремит воинственно-ностальгический марш. В конце шеренги молодцов - маленький усатый генерал. Цепь ассоциаций – Наполеон, Кутузов, Франко. Спасители Отечества. Гремит музыка, державный всадник на Сенатской, на площади русской чести и славы, возносит к хмурому небу тяжелую длань...

Когда я смотрел невзоровский сюжет, то представил себе Макашова таким маленьким коренастым боровичком, а когда увидел генерала воочию - убедился, что это вполне рослый (180 см) и подтянутый человек. Естественно, сразу же разрушился созданный журналистом образ одинокого непонятого рыцаря. Альберт Михайлович производит впечатление человека, прекрасно знающего, чего он хочет, уверенного в себе и не испытывающего страха перед миром политики, населенным злокозненными интриганами.

Когда сегодня, чтобы занять себя, отвлечься от мрачных мыслей, он занимается на даче засолкой огурцов и консервированием припасов на зиму, думаю, что память все равно возвращает его в тот несчастный день, когда он отправил шифровку в Москву. Но раскаяния генерал не испытывает, скорее досаду и удивление: как жалко и бесславно завершилась социалистическая эпоха! Скорбит ли он о распаде государства, печалится ли о ликвидации компартии, приказ высшего командования остается для него законом жизни. Так что никакой угрозы для нынешних властей Макашов не представляет. Судьба его – при теперешней расстановке сил – однозначна.

Вокруг опального генерала долго не было никакого движения: коммунистические консерваторы пребывали в шоке после августовских событий, антикоммунистические “государственники” не хотели, чтобы их отождествляли с этой отыгранной фигурой, хотя совсем недавно закрывали глаза на макашовский “социалистический выбор”. Но по мере того, как в обществе стало вызревать неверие в успех реформ

ельцинского руководства, на экс-командующего ПУрВО вновь обратились взоры недовольных.

Если хаос, о котором все чаще пророчествуют и левые и правые, все же придет, и армия станет играть ту же роль, что и югославские военные – о Макашове вспомнят не только коллеги, но и миллионы потенциальных жертв межнациональных конфликтов. Именно в этой среде наибольший отклик находят рецепты решения политических проблем, предлагаемые сторонниками централизма и возвращения к имперским методам управления. Недаром ГКЧП и его заявления были столь решительно поддержаны прежде всего в конфликтных зонах – Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии. По мере “ливанизации” все больших регионов страны социальная база диктатуры будет расти, и тогда Альберт Макашов может появиться на ломберном столе истории уже не как проходная карта, но как один из главных козырей красной масти.

ОЧЕНЬ СТАРЫЕ МЕХИ И ОТНОСИТЕЛЬНО МОЛОДОЕ ВИНО

В Грузии рассказывают анекдот о “хитром гурийце” Эдуарде Шеварднадзе. На его родину привезли памятник лидеру грузинской компартии (байка сложена еще в ту пору, когда Шеварднадзе был верным ленинцем). Некто инспектирующий приезжает убедиться, что памятник поставлен надлежащим образом, и видит, что местные власти водрузили его у подножия холма, Следует гневный разнос:

“Кто его здесь увидит? Надо поднять на вершину!” Хозяева успокаивают гостя: “Мы же его лучше знаем. Поверьте, он сам взберется”.

Эта притча могла бы проиллюстрировать нравственный облик не только Шеварднадзе, но и многих из тех, кто на какое-то время оказался фаворитом средств массовой информации, а в результате и победителем в гонке за политическими призами. Речь идет о поколении реформаторов, пришедших вместе с Горбачевым.

По возрасту это люди предпенсионных или первых пенсионных лет – около шестидесяти. Их духовный и политический облик складывался в хрущевское десятилетие, когда им было приблизительно от двадцати пяти до тридцати пяти лет. Именно они приклеивали на стенах своих комнат в коммуналках и общежитиях портреты Хемингуэя в свитере, распевали под гитару “Сентиментальный марш” Окуджавы и “Бригантину” Когана. Оппозиционность их не простиралась дальше критики Сталина. Им – в подавляющем большинстве – хватало того уровня свободы, который имелся при Хрущеве. И только в последние годы его правления, когда стали давить абстракционистов и покусывали модных поэтов, эта публика ощутила в себе “нечто противуправительственное”. Наступивший вслед за тем период умеренного сталинизма означал для поколения Горбачева необходимость либо приспособиться к обстоятельствам, либо выступить против них. Вторую возможность выбрали лишь единицы – это были диссиденты.

Первая по причине удобства и безопасности оказалась приемлемой для большинства.

Если попытаться представить жизненную позицию целого поколения, то ее, как мне кажется, исчерпывающим образом обозначил один из видных горбачевистов С. Шаталин, отвечая на вопрос корреспондента “Демократической газеты” относительно побудительных причин его вступления в КПСС в 1963 году:

“Видите ли, КПСС была партия, которая обеспечивала во многих областях технологизм карьеры. Я вступал в партию, и об этом много раз говорил и не считаю это цинизмом, - не из каких-то убеждений. Просто это нужно было делать нормальному разумному человеку. Это был поступок без выбора, без борьбы с совестью, честью, анализом”.

Естественно, в процессе приспособления к требованиям существующего режима бывшие романтики понесли немалые нравственные потери, приобрели умение жить, а необходимость говорить одно, когда думаешь другое, выработала у них тотальный цинизм. Это проявляется даже в излюбленной ими терминологии. Можно сравнить печатные выступления А. Яковлева, С. Шаталина, В. Коротича, Егора Яковлева – все они используют в речи приклатненные определения для обозначения своих противников – “шпана”, “харя”, “жлобы”, частенько проскальзывают речения той эпохи, когда модно было изъясняться с примесью подчеркнуто простонародных “перлов”.

В то же время на их политическое мышление наложил отпечаток тот тоталитарный стиль, который господствовал в нашей жизни десятилетиями. Эти люди никогда, ни единой минуты не жили в условиях демократии!

Если упомянем только некоторых из нынешних реформаторов и их прежние (“застойные”) должности, то сразу представим и их человеческое окружение.

Б. Ельцин - секретарь обкома КПСС.

Э. Шеварднадзе - первый секретарь республиканской компартии.

А. Горбунов - секретарь компартии Латвии.

М. Снегур - секретарь компартии Молдавии.

А. Яковлев - заместитель заведующего отделом ЦК КПСС.

Г. Бурбулис - заведующий кафедрой научного коммунизма в университете.

Я уже не говорю о Н. Назарбаеве (Казахстан), который почему-то попал по милости прессы тоже в демократы, хотя это по всем статьям типичный национал-коммунист: вскормленный Кунаевым, он был вознесен Горбачевым на высшую должность в местной компартии, да и ныне не спешит лишить ее роли руководящей и направляющей силы.

Всем известные лидеры советской демократии тоже в подавляющем большинстве прошли аппаратную школу или состояли в интеллектуальной службе режима (профессура, референты, прокуроры и т.д.).

Нравы, приобретенные в коридорах власти, причудливо накладывались на идеалы молодости, когда большинство из этих

людей – будем верить в это! – были преисполнены идеализма, искренне полагали, что революционное насилие в небольшом масштабе – это благо. И как бы ни заклинали они сегодня, что необходимо во всем идти к консенсусу, на деле верят лишь в соотношение *с и л*. Говорят о правах меньшинства, но когда добиваются большинства, являют давно знакомый лик большевистской нетерпимости.

Руководимые ими толпы, ревушие “Долой!”, “Под суд!”, “К ответу!”, а то и что похлеще, – это питательная среда для бацилл насилия. Новейший пример такой отягощенности идеалами прошлого – выступления ведущих “левых” после провала августовского переворота: стоило Украине и Казахстану заявить о своей независимости, как последовало вполне имперское беспокойство о территориях, отходящих под юрисдикцию “чужаков”. Гавриил Попов немедленно разъяснил в телеинтервью, что Крым, Донбасс, Новороссия и северные области нынешнего Казахстана являются историческим наследием русского народа...

Оказываясь на вершине социальной пирамиды, человек неизбежно проявляет властные комплексы, заложенные в его сознание всей предшествовавшей этому моменту жизнью. Тоталитарный менталитет Звиада Гамсахурдиа, десятилетиями заклинавшего соотечественников бороться за свободу и демократию, немедленно проявился, едва он оказался на высшем государственном посту в Грузии. Пример этого гуманитария, никогда не тершегося по коридорам власти коммунистического режима, должен умерить наши ожидания по отношению ко

вчерашним капээсэсовцам. Возможно, во время торжественных похорон империи они вдруг объявят, что покойник не совсем умер, но потребуют поместить его под наблюдение опытных врачей, способных вывести пациента из летаргии.

Итак, Горбачев, Ельцин и другие лидеры реформаторов почти все принадлежат к поколению шестидесятилетних, а противостоящий им лагерь сторонников возрождения имперских структур, сплотившийся вокруг депутатской группы “Союз”, – это люди около сорока лет, то есть как раз та генерация, которая воспитывалась в годы позднего сталинизма, существовавшего в 70-е – начале 80-х годов. Говорить об их преданности идеологическим ценностям этого периода не приходится – “застой” характерен прежде всего формальным признанием священных догматов коммунизма и абсолютным прагматизмом во всем, что касалось карьеры. Так что слова Алксниса “разделиться мы не можем” отражают позицию рационалиста, озабоченного отнюдь не сохранением некой духовной субстанции, проявляющей себя в шелесте знамен и громе оркестров. Он один из тех, кому стало плохо, когда по телу империи пробежали трещины.

Сегодня из 145 миллионов русских за пределами РСФСР живут более 25 миллионов. После распада СССР и прихода к власти в бывших советских республиках националистических правительств эта огромная масса людей неизбежно двинется в Россию - почти у всех из них имеются здесь родственники. Таким образом, по меньшей мере треть русского народа будет поставлена перед неизбежностью

определить свое место в мире и отношение к недавним “братьям”. Закономерны в этом контексте и поиски ответа на вопрос: кто повинен в трагедии беженцев? Надо думать, из тех 50 миллионов людей (кроме упомянутых 25 миллионов русских), которые живут вне своих национально-территориальных образований, очень многие зададутся тем же вопросом. И тогда примерно половина населения бывшего Советского Союза (если учесть родственников этих потенциальных беженцев) станет живо интересоваться подробностями биографии реформаторов, особенно напирая на пресловутый “пятый пункт”. А там, глядишь, подспеют и блюстители идейной чистоты, которые впишут в графы анкеты вчерашних кумиров: “состоял в КПСС”, что будет равносильно записи “из дворян” для тех, кто стоял на правее перед отцами нынешних реформаторов. Этот сценарий развития событий возможен в том случае, если лидеры “левого” лагеря не удержатся от соблазна поиска врагов. Раз запустив эту машину, придется кормить ее все новыми жертвами...

Но будем верить в благоразумие государственных мужей и надеяться на переход власти не от одного политического блока к другому, а от поколения к поколению. Правда, еще Писемский устами одного из своих героев высмеял восприятие потока жизни как подобия прерывистого выталкивания насосом определенных доз жидкости. Как будто не каждую минуту люди на земле рождаются! Где же та граница, которая разделяет генерации?

И, тем не менее, мы пока не дожили до такой благодати, когда закон эволюционного развития равномерно действует во времени и пространстве. Наш политический режим видоизменяется толчками, потому, быть может, на поверхности событий оказываются люди, подозрительно близкие по годам рождения.

Позади “шестидесятилетних” и “союзников” кустился новая поросль, близкая к возрасту Христа: Мурашов, Шахрай, Бабурин, Невзоров. Опять та же мистика возрастов, которую видим в истории русской – то кучно рождаются гении рубежа веков (Пушкин – 1799, Баратынский – 1800, Тютчев – 1803) или 20-х годов (Писемский, Достоевский, Тургенев, Толстой), то идут “пустые” десятилетия, оживляемые редкими искорками. Это касается литераторов. Вероятно, на политиков урожайными оказываются иные периоды. Для служения искусству необходимы прямота, искренность, внутренняя свобода – значит, будущие авторы великих произведений должны были взрастать в такой атмосфере, которая не глушила названные качества. А для политика, наверное, нет лучшей питательной среды, чем криводушие, осмотрительность, недоверчивость. Юность шестидесятилетних приходится на конец 40-х – начало 50-х – вполне подходящее время для пестования макиавеллистов. Сотоварищи Алксниса расцветали на рубеже 60-х и 70-х – тоже подходящая обстановка. А нынешний “возраст Христа” пришел к своему совершеннолетию на исходе 70-х – в эпоху цинизма, безверия, воинствующего эгоизма.

Старшее из поколений, действующее на сегодняшней политической сцене, скроило мехи государственной машины времен перестройки из старого обветшалого материала времен победоносного тоталитаризма (примат исполнительной власти, несмотря на все толки о верности парламентаризму, бесцеремонное обращение к силе, как только это становится возможным, пренебрежение к закону, когда это выгодно). Среднее поколение – “союзники” – не имеет оригинальных проектов, но готово удовлетвориться любым механизмом, лишь бы он обеспечил стабильность. И только младшее, которое способно – то ли давить вино новых идей, то ли само стать этим вином, вливающимся в уготованные мехи, – возможно, предъявит миру действительно жизнеспособную модель государства, сумеет подсказать выход из тупика дряхлому усталому обществу.

ОСЕДЛАВШИЙ РОСИНАНТА

Все те дни, когда мне впервые привелось видеть Невзорова, он был одет в одни и те же черные джинсы, в одну и ту же кожанку, в одну и ту же рубашку темно-зеленого цвета. И ни разу не появился без пистолета со шнуром, свисающим из кобуры. Я думал тогда: этот человек, похоже, совсем не заботится о своей внешности. Или наоборот - старается ни в чем не отступать от сложившегося образа самого себя. Последнее предположение, весьма соблазнительное, пришлось сразу поставить под сомнение – все-таки мы время от времени видели

Невзорова постригшимся, а один раз даже в костюме с галстуком (он преобразился ради “государственной” беседы с Алкснисом).

Многие репортеры, писавшие о Невзорове, жаловались на его неуловимость, таинственность даже. Но те, кто знает его лучше, чем я, дают понять: это не от желания нагнать загадочность, поднять себе цену. Он не до конца уверен в себе, он еще не привык к непогрешимости и неприкасаемости, Ему три с половиной года от роду, поэтому он – хотя и балованный ребенок - чувствует стеснение рядом с “чужими дядями”.

Да, он родился лишь в декабре 1987 года – все, что было до этого, не существует, Как монах, принимающий схиму, меняет имя, символизируя свою смерть для грешного мира, так и Невзоров, существовавший до своего появления на экране в последние дни 1987 года – это “иное бытие”. Индуисты верят в новые воплощения души, православные полагают, что одно и то же тело может бытьместилищем разных душ...

Кстати сказать, в пору позднего брежневизма Александр подумывал о принятии пострига. Ему было тогда двадцать лет, он носил длинные волосы, падавшие на плечи, одевался в замызганную долгополую шинель – словом, являл собой некий гибрид Алеши Карамазова и хиппи. О тех временах сам Невзоров вспоминать не любит, приходится прямо-таки вытягивать у него сведения о родных, о детстве. Только изредка он оживляется, когда перед умственным взором его мелькнет какой-то яркий образ “оттуда”. Первое потрясшее его впечатление детства – атака каппелевцев из фильма “Чапаев”. Ему было тогда четыре года, он еще ничего не знал о

мире, в котором рушились монументы тирана, закрывались и сносились церкви, звенели стихами перед толпами молодые провозвестники коммунизма, мотали срока сорокалетние небритые мужики, не так уж давно полосовавшие из “шмайсеров” своих сверстников – таких же восторженных мечтателей, как те, что рвались теперь строить Братскую ГЭС. Ничего этого Саша Невзоров не разумел, но ряды элегантных черных мундиров, надвигающиеся во всю ширь экрана, привели его в неописуемый восторг. Не тогда ли он определил для себя, кто такие “наши”, – вопреки стереотипу, господствовавшему у мальчишек из сырого и темного питерского двора. И позже, когда он пел в церковном хоре, он оказался среди того ничтожного меньшинства, которое никто тогда не принимал всерьез. Даже само оно.

Чем он только не занимался. Почти три десятка лет прожив, был, по сути, перекати-полем. Нищий, без человеческого жилья. Кое-какие копеечные заработки то и дело прекращались – подолгу он нигде не задерживался. Занимался заездкой низкорослых казахских лошадей кумысной породы – был такой сумасшедший проект у директора совхоза “Ручьи”, что находится в черте города: напоить ленинградцев целительным напитком степей.

Только тогда Невзоров на короткое время почувствовал себя при настоящем деле – он любит этих тварей Божьих. Но лошади быстро передохли в суровом чухонском климате, и ему опять пришлось искать себе пристанище.

На телевидение Невзоров прорывался давно - по словам знающих его людей, он участвовал в начале 80-х годов в конкурсе, проводившемся школой дикторов (может быть, название было и иным, но смысл тот же) при Ленинградском телевидении. Не прошел. Пристроился с другой стороны – писать сценарии передач. Это произошло в 1984 году.

Говорят, Александр не раз штурмовал и актерское отделение театрального института, но не прошел из-за бездарности. И даже теперь, убеждены те же самые информаторы, он нуль как актер. Не умеет он перевоплощаться, ломит свое. Произносится сие как бы в уничижение, но можно видеть в этом и признак сильно выраженной индивидуальности.

Многие из тех, с кем мне приходилось беседовать о Невзорове еще до знакомства с ним, утверждали, что и как личность-то он весьма мелок. Ерник, позер, ограниченный человек. Все что угодно я мог принять, но только не это последнее определение. Тексты, произносимые им с экрана, не могли родиться в голове заурядного плейбоя. Свидетельства ничтожества Невзорова исходили от людей, день-два помотавшихся с ним в съемочном “рафике”, а потом “отразивших” свои впечатления на газетных листах – там, впрочем, ничего снисходительного не было высказано. Подобные мнения питаются изначальным пиететом перед “звездой” – но помнить надо о пушкинских строках:

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,*

*В заботах суетного света
 Он малодушно погружен:
 Молчит его святая лира;
 Душа вкушает хладный сон,
 И меж детей ничтожных мира,
 Быть может, всех ничтожней он...*

Невзоров типичный поэт. Вся его любовь к оружию, старым орденам и знаменам, к лошадям, к настоящим мужчинам – это эстетическая позиция. Которая может и измениться. Последнее предположение основано на таких соображениях: сегодняшний Невзоров, певец вооруженных сил ОМОНа, державной мощи, в армии не служил ни дня. И даже, по всей видимости, “косил” от призыва. Недавно газеты опубликовали ряд материалов о скандале вокруг истории болезни Невзорова, хранящейся в ленинградской психиатрической больнице №3, обнаруженной и обнародованной врачом этого лечебного заведения. Пресса радостно ухватилась за диагноз: психопат и шизофреник. Но никто почему-то не дал себе труда осмыслить, что в документе указывалось: “Предварительный диагноз: шизофрения (?), психопатия (?)”. А направлен он был в психиатрическую больницу из медкомиссии военкомата. Согласно этой бумаге Невзоров был помещен на обследование. Ежу, как говорится, понятно: парень пытался отвертеться от призыва. В то время (весна 1975 года) это было массовым явлением.

Не знаю, какими соображениями мог руководствоваться нынешний певец армии, но предполагаю, что его любовь к черным мундирам каппелевцев вряд ли ужилась бы с приталенной формой СА, делающей солдат узкогрудыми и жопастыми недомерками.

Самое время разобраться с загадочным взлетом славы Невзорова и его стремительного падения в глазах демократической общественности. Ибо отношение к армии и прочим государственным институтам определило остроту любви и ненависти...

Хроника рождения новой звезды, ее восхождения к зениту и падения в сторону охваченного багровым закатом горизонта империи:

I. Исход 1987 года. Невзоров придумывает сюжет новой информационной программы. Актер, который должен был вести первый выпуск, напился и не пришел в студию. Тогда Александр сам сел перед камерой. Такова его собственная версия.

II. Год 1988. Программа “600 секунд” становится известной на всю европейскую часть страны. Такого откровенного, жесткого показа жизненной правды люди еще не знали. Через эпизоды повседневной жизни одного города человека подводят к осознанию абсурдности, анти-гуманности коммунистического общества. Сцены криминальной и судебной хроники, показ тайных привилегий красной элиты, скандальные репортажи из коридоров власти и моментальные портреты советских мафиози – этот вывернутый наизнанку незнакомый советский

мир приобщает безгласную толпу к сокровенному знанию действительных пружин происходящего. И сделавший это Александр Невзоров становится в глазах миллионов грозным и неподкупным обвинителем прогнившего режима.

III. 1989 – первая половина 1990 года. Авторитет Невзорова делается непоколебимым, одно его слово способно сломать политическую карьеру высших руководителей страны. Так происходит с Юрием Соловьевым, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, главой ленинградского обкома партии, В любви к Невзорову признаются самые известные люди. Публицист Юрий Черниченко, один из видных радикалов, заявляет, что “600 секунд” – вершина публицистического жанра. Евгений Евтушенко сетует в газете “Аргументы и факты” на постоянное давление, под которым живет невзоровская программа. Борис Ельцин время от времени звонит в редакцию “600 секунд”, слова одобрения и поддержки слышит от него Невзоров и тогда, когда Ельцин становится главой российского парламента. В конце 1989-го Невзоров объявлен ленинградцами героем года. Газета “Невский проспект” печатает календарь “Самые популярные в мире ленинградцы”: на лицевой стороне Невзоров на лошади, на обороте – Собчак под зонтом.

Когда 6 апреля 1990 года, скомкав конец ежедневной программы, Невзоров уступает свое место перед камерой народному депутату СССР Николаю Иванову, известному своим участием в расследовании коррупции среди высших государственных и партийных чиновников, это воспринимается чуть ли не как начало революции. Произошел так называемый

захват телевидения депутатами Ленсовета, который был воспринят как покушение на монополию коммунистов в средствах массовой информации. Имя Невзорова попало в святцы демократической общественности – он приобрел ореол политического борца.

IV. Вторая половина 1990 года. Вскоре после августовского отпуска начинается война Невзорова против Ленсовета. Новоизбранные депутаты, по его характеристике, невежды и невежи “с кашей в бороде”. Он хлещет их чуть ли не в каждом выпуске “600 секунд”. Апофеозом этой критики становится программа “Власть”, вышедшая в рубрике “Паноптикум”: жадная стая крыс облепила шоколадную статуэтку “Петр I на коне”, в миниатюре передающую образ памятника, ставшего символом Петербурга и государственной власти в России. Городская пресса почти целиком принимает сторону Ленсовета – теперь Невзоров делается для нее символом антидемократизма, журналисты пытаются внушить, что Невзоров – чуть ли не агент коммунистов. Даже его монархизм, к которому прежде относились как к милой слабости гения, теперь становится уликой для обвинителей. Впрочем, о гении уже больше не говорят, Невзоров, по мнению газет, – всего лишь полицейский репортер, смакующий жестокие сцены, упивающийся видом трупов и помоек. То, что раньше принималось как благовестование суровой правды, теперь отвергается за излишний натурализм.

Развязка этой с каждой неделей ожесточающейся схватки приходит неожиданно. Мало-помалу убывающий

авторитет Невзорова – десятки и сотни враждебных публикаций в прессе сделали свое дело – неожиданно вновь стремительно возрастает до невероятных размеров. Происходит небывалое событие - в телезвезду стреляют из пистолета...

История с покушением – как и все, что происходит вокруг Невзорова – весьма загадочна. 12 декабря 1990 года Александр, как обычно, выходит в эфир. Передача рядовая – на календаре среда, по этим дням “Паноптикумов” не бывает. Позднейший просмотр видеозаписи показал, что выпуск городских новостей оказался на сей раз на 45 секунд короче. Правда, нарушения хронометража случались и в иных выпусках, и другие ведущие этим грешили. Но главное не в этом - специалисты-психологи, просматривавшие запись “секунд” от 12 декабря, не нашли в поведении Невзорова ничего необычного, он был привычно спокоен и ироничен.

А после выхода в эфир в студии раздался звонок, и неизвестный заявил в беседе с Невзоровым, что у него имеется крайне важный конфиденциальный материал, который мог бы стать сенсацией. Предложение встретиться немедленно на одном из городских пустырей было принято, и Невзоров в сопровождении нескольких сотрудников выехал в условленное место.

Отойдя от машины на приличное расстояние, Александр стал ждать информатора, не обратив внимания на прохожего, спешившего мимо. Поравнявшись с журналистом, тот выбросил вперед руку, обмотанную тряпкой, и тут же

прогремел выстрел. Пуля, выпущенная из малокалиберного ствола, прошла в полтора сантиметрах от сердца.

Потом было много домыслов о происшедшем, Но в первые дни после покушения Невзоров вновь стал безусловным кумиром миллионов. О его здоровье справлялся у Собчака лично Горбачев: главе городской администрации даже пришлось прервать встречу с представителями профсоюзов. Министр внутренних дел немедленно распорядился выдать пострадавшему журналисту пистолет для самозащиты. Тысячи телеграмм и писем приходили на имя Невзорова.

Тогда же было отмечено: за три дня до покушения в “Ленинградской правде” появилось интервью с Невзоровым, Портрет теле-ведущего был помещен на фоне мишени, что передавало, по мнению редакции, атмосферу охоты на Александра, созданную “левой” печатью. Припомнили и заявление Собчака, сделанное незадолго до трагического события: Невзорова необходимо оштрафовать на 50 тысяч рублей за его передачи, дискредитирующие городские власти.

Когда социологическая служба провела в декабре 1990 года опрос населения Ленинграда с целью определения рейтинга наиболее популярных программ, то выяснилось: за “600 секунд” высказался 61% зрителей, а за вторую по известности передачу “Пятое колесо” – 17%. Тогда же “Радио России” провело опрос своих слушателей – Невзоров оказался среди десяти наиболее популярных людей страны. Таким образом, накануне решающих событий в жизни теле-кумира

даже война с Ленсоветом и многомесячная перебранка с прессой не смогли поколебать его положения.

V. 13 января – 19 августа 1991 года. После начавшихся в литовской столице Вильнюсе массовых выступлений населения, недовольного резким повышением цен, местная компартия создала Комитет национального спасения, отдавший войскам приказ занять ряд ключевых пунктов.

Невзоров прибыл в Вильнюс со съемочной группой “600 секунд” как раз после захвата телецентра. Его материал, отснятый на телебашне, открыл серию репортажей под общим наименованием “Наши”. В них впервые с полной определенностью была заявлена политическая позиция Невзорова: единство и целостность государства необходимо сохранить любой ценой, в том числе с помощью вооруженных сил. С этого момента героями передач Невзорова становятся люди, воплощающие решимость отстоять империю.

Если до январских событий в Литве Невзоров воспринимался как репортер, то после них он становится одной из фигур в политической обойме, и это немедленно освобождает журналистов от снисходительного или восторженного – но “своего” – отношения к нему. Теперь спрос с Невзорова другой: на него с пристрастием взирают люди разных стáтей – красных, черных, голубых и белых...

В те полгода, которые предшествовали перевороту 19 августа, программа “600 секунд” и особенно приложение к ней – “Паноптикум” – превратились в лабораторию по выращиванию политических звезд, а Невзоров сделался тем

магом, который придавал разрозненным политическим величинам единство и заставлял массу воспринять “правое” движение как эстетическое явление.

Взрыв ненависти к вчерашнему кумиру большой прессы (его конфликт с ленинградскими газетами до поры оставался локальным), обозначившийся после литовского репортажа Невзорова, объясним прежде всего тем, что ведущий “600 секунд” впервые дал *х у д о ж е с т в е н н о* привлекательное изображение имперских сил: преданные правительством солдаты, стоящие на страже надличностных ценностей, готовность к самопожертвованию со стороны кучки отчаянных храбрецов, бросивших вызов враждебной ночи, заглядывающей в незащищенно пустые окна осажденного телецентра...

Мало ли их было, тех журналистов, которые пытались отстоять официозную точку зрения, бросались обелять заведомо несправедливые дела? И в последние годы их хватало, но ведь ни один из них не вызывал против себя такую бурю: Невзорова обвиняли в фальсификации, в подлости, его поносили последними словами (корреспондент газеты “Клайпеда” Альдас Вабуолас назвал его “политическим педерастом”, а рок-музыкант К.Кинчев написал о нем песню “Звезда свиней”). А все дело было в том, что апология силы, апология русских впервые появилась в эфире не в виде казенной поделки, но исходила от человека, принадлежащего по всем статьям к оппозиционной общественности, еще недавно обретавшейся в андерграунде. Почти мгновенный переход от обожания к ненависти – из-за осознания мнимого

предательства Невзорова по отношению к тем идеалам, на которые ориентируется интеллигенция.

Но уже вскоре после столь немилосердного протрезвления поклонников “железного Шурика” его критики с удивлением стали обнаруживать, что все многочисленные интервью, дававшиеся Невзоровым задолго до появления имперского сериала “Наши”, в полной мере отражали его антидемократические позиции.

Монархизм Александра оказался не просто эстетической позой, но самым натуральным предпочтением авторитарности народоправству. Восторг перед оружием, преклонение перед “идейным” искусством, восприятие истории как арены для избранных личностей – все это обнаружили, перечитывая его старые откровения. И коллеги с пристыженным видом принялись честить Невзорова как “желтого” репортера, как нравственного некрофила, как певца насилия – тем самым наказуя собственную неразборчивость в выборе союзников. Но самое интересное: эта массированная кампания не дала ощутимых результатов – даже после ежедневных экзекуций автора скандальных “Наших”, учинявшихся на страницах газет, на его рейтинге это почти не сказалось. “Комсомольская правда” констатировала 5 февраля 1991 года, что, по ее данным, после невзоровских видеоматериалов о Прибалтике только у 25% опрошенных мнение о теле-кумire ухудшилось, в то время как у 15% наоборот улучшилось, а 50% заявили, что они остались при своем прежнем отношении к нему.

Выходит, одинокий волк советского эфира, ежевечерне появляющийся на 10 минут перед 70-миллионной аудиторией, сумел “зацепить” своих поклонников столь прочно, что даже его самоубийственные выпады против господствующих в демократических кругах представлений о добре и зле не пошатнули веры в него. В контексте политического противостояния это означало: мнения кумира способны мобилизовать новых сторонников для его фаворитов. Поняв сие, Невзоров открыто ринулся в политическую борьбу, хотя прежде неоднократно провозглашал свою отстраненность от противостояния различных сил.

Чтобы оценить аудиторию, на которую воздействуют облик, стиль и идеи Невзорова, надо попытаться увидеть среду, взрастившую телегероя.

Первое, что достоверно известно о корнях Невзорова, - он не из элиты. “Моя мать простая советская женщина”, а в графе “отец” его свидетельства о рождении стоит прочерк. О предках своих Александр знает мало – так же как и большинство современных русских. Говорит, что он из волжских бурлаков, что, возможно, в его жилах течет и татарская кровь. Дед в послевоенное время состоял в госбезопасности и проходил службу в Прибалтике.

Закончив “французскую” школу, Александр нигде больше не учился. Получив освобождение от армии и провалившись несколько раз на экзаменах в театральный институт, он вел жизнь типичного советского люмпен-интеллигента, которыми в конце брежневской эры были

переполнены большие города. Служба в музее Пушкина, на конюшне, в церковном хоре; то мечты о служении Христу, то отвержение христианства. Как Протей, постоянно меняющий свою форму и окрас, Невзоров не мог найти себя почти до тридцати лет. Если бы не свобода, пахнувшая на страну к концу восьмидесятых годов, он, наверно, так и обретался бы на подхвате то в одном, то в другом месте, оставаясь пророком крохотного кружка да кумиром на неделю случайных подружек...

Он сидит в потрепанной шинели в полутемном углу букинистического магазина, склонившись над книгой старого историка, и, забыв о реальности, всем существом своим перевоплотившись в гражданина блаженного века русской славы, проживает десятки жизней то как военный, то как дипломат, то как придворный. Благородный архаичный слог, одухотворенное Слово возносят его над убогой действительностью, заключенной в мертвые оковы казенных речений. Но те посетители, кто часто видит этого патлатого юношу в бедной одежке, с легким превосходством посматривают на чудо-юдо, водящее грязноватым пальцем по страницам Бантыш-Каменского или Соловьева: людям, у которых все в порядке, при всей жалостливой симпатии к этим фанатам былого, хиповатые беглецы в прошлое кажутся неудачниками, закомплексованными бездельниками. Не могут найти себе место в мире, отвоевать уголок под солнцем – вот и облачаются в живописные лохмотья, дабы изобразить себя какими-то дервишами, святыми отшельниками. “Мы чистые, духовные, не хотим участвовать в вашей дрянной лживой

жизни”. Поза все это, братцы. И не Бантыш-Каменского вам надо листать, а хорошенько помыть руки с мылом да взяться за унылые советские учебники. Иначе упустите время, а потом уже никто не станет слушать ваших объяснений, почему вы ничего не достигли в жизни. Хиповать хорошо по молодости, а потом?..

Мысли благополучных сограждан иной раз звучали и вслух. И, как знать, не закрадывались ли сомнения в сердца таких “мира не приемлющих”: “А не бросить ли к чертям собачьим этот маскарад? В конце концов не нами заданы правила игры и глупо переть против силищи – государства, общества, природы человека”...

В те годы огрузневшая коммунистическая система казалась вечной и незыблемой, как огромный оползень, похоронивший старую Россию. Голоса прошлого, доносившиеся сквозь эту толщу, становились все неразличимее, и только единицам оставался внятен язык, на котором изъяснялись предки.

Страна с перерубленным хребтом, с искусственно укороченной биографией и впрямь могла показаться иным, новым миром, только географией связанным с Россией царей, святых и пророков. Ничего такого не было вокруг: деловито-бездуховный обыватель населил все этажи покинутого элитой здания. А те, кто числил себя новой солью земли, ютились в подвалах и коммуналках, служили сторожами, грузчиками, ездили на шабашку, довольствовались минимумом пищи и одежды. Немудрено, что ряды этой антиэлиты постоянно

размывались – одни уходили в социальное небытие (бомжи, бичи), другие трансформировались в “нормальных людей”.

Не с той ли поры столь стойкий интерес у Невзорова к обитателям дна: он ведь и сам балансировал на грани, которая отделяет духовного аутсайдера, добровольного изгоя от мира сломавшихся людей, уже не способных на какое-то осознанное противостояние. Они превратились в противоположность благополучного обывателя, обитающего на солнечной стороне, – эти миллионы неприкаянных бродяг, живущих одними физиологическими потребностями, они – обыватели антимира...

Один из первых сюжетов невзоровского “Паноптикума” был снят на городской свалке. Обнаружив в числе насельников нор, устроенных среди отбросов, удивительно симпатичного мужика с голубыми глазами, Невзоров приобщил зрителя к незлобиво-растительной философии бича, а заодно с привычным гневом припечатал коммунистическую систему, выталкивавшую таких замечательных персонажей на обочину бытия. Но горьковские бродяги, столь же симпатичные и даже способные на ницшеанские монологи (“На дне”), уходили за пределы нормального человеческого общества совсем при другой системе...

Буревестников всегда тянет к обиженным, обездоленным, *н е т а к и м*, Невзоров сам – всей своей предшествующей жизнью, – презревший обывательский стандарт, опозитизировал позицию меньшинства в глазах сытого (относительно) и благонамеренного большинства. Чем опять-

таким повторил Горького: от его босяков впечатлительные дамы из буржуазных семей приходили в восторг.

Оппозиция “поэт – толпа”, давно эксплуатируемая элитарной частью художественной интеллигенции, нашла в невзоровских “Паноптикумах” новое воплощение – практически каждый из показанных им героев представлен как смешной, безнадёжный, но великий в своем донкихотстве одиночка. Бросил вызов немилостивой судьбе странный провинциальный генерал Макашов. Пошел навстречу все сметающему течению одинокий полковник Алкснис. Донкихотствует со своим маленьким малотиражным журналом непонятный и одинокий старик-эмигрант Красовский.

Открытием Невзорова оказалось то, что в политической пропаганде можно использовать художественные приемы, опробованные нонконформистским искусством XX века на огромных массах людей. Стоит представить любого человека или явление странным и непознаваемым для обывателя, как обыватель спешит засвидетельствовать свою принадлежность к элите признанием этого аутсайдера или аномального явления. Он выражает восхищение авангардной поэзией, похожей на армянские загадки, упивается непереносимой для слуха музыкальной додекафонией, снимает со стены своей гостиной репродукцию Шишкина и вешает Кандинского. Он первым торопится обозначить свое приятие всякого новатора - из опасения запоздать и застрять в обывателях. Со временем это становится условным рефлексом на новизну, умело эксплуатируемым дельцами от искусства.

Невзоров первым перевернул представления о сотворении политических кумиров. Солдаты на телебашне, брошенные подлым начальством, отдавшим приказ... Горстка храбрецов из ОМОНа, странных и чудаковатых в своей преданности присяге и флагу – ведь кругом торжествуют распад, корысть и жажда самоутверждения... Ученые-фанатики державной мощи, оплакивающие агонию научно-промышленного гиганта, обреченного на гибель решениями политиков-предателей, – а ведь эти “яйцеголовые” могли бы зарабатывать миллионы в любой западной стране, которая готова купить нашу элиту.

Создавая своего рода пропагандистский канон, подобный канону иконописному, Невзоров ориентировался на те ценности, которые были близки поколению нонконформистов брежневской эпохи. Это оно с новой силой эстетизировало “поручика Голицына” и мир православной церкви, ностальгировало по великой единой и неделимой империи под скипетром богопомазанного государя. Закономерно поэтому, что герои 91-го года поданы Невзоровым как духовные собратья корниловских, деникинских и врангелевских рыцарей, выступивших против взбесившейся тьмы, взметнувших навстречу урагану антикультуры стяг исторической России. В понимании Невзорова те, кто ныне радуется крушению Советского Союза, – потомки леворадикальной “сволочи” 17-го года, а противостоящие им – как это ни парадоксально – спасают не советское государство, а милую его сердцу Империю.

Появившись в эфире после событий 19-21 августа, Невзоров начал с констатации факта: погибла Великая Российская Империя. Когда же я спросил его об оценке результатов переворота (он считает, впрочем, что это лишь инсценировка, устроенная с целью захвата власти неолевыми), то Александр сказал: слава Богу, что коммунизм наконец загнулся. Его давно угнетало очевидное противоречие собственной позиции – с одной стороны, враждебность к коммунизму как идеологии и практическому претворению идей Маркса, с другой – отстаивание единства территории, подвластной последователям этого космополитического учения, союзничество с репрессивными структурами коммунистического государства. Вдох облегчения издали, кстати сказать, многие ревнители державного духа. Близкий друг ряда участников хунты 19 августа писатель Александр Проханов сформулировал чувства этой группы интеллигенции: “Если до переворота патриотическое движение как очень сильную компоненту включало в себя коммунистический блок – РКП – и мы уповали на то, что удастся эту коммунистическую партию трансформировать в партию национальных интересов, то есть в партию реформ, партию национальной идеи, освободить ее от этой интернациональной, абсолютно уже не работающей космополитической идеологии, и воспользоваться потенциалом этой партии, ее структурами, ее опытом организационным. Теперь это кончилось. Я думаю, что с компартией на ближайшее, а может быть, и на все время покончено. Поэтому нам, с одной стороны, тяжело: целый фрагмент ушел (а РКП

была партией патриотов в основном). Будет тяжело, потому что мы лишились этой иллюзии. А с другой стороны – облегчение, потому что нашей как бы консервативной (в европейском смысле слова) идеологии РКП уже не будет путать идеологические карты. И мы будем сейчас свободно формулировать свою идеологию без коммунистов”.

Для Невзорова, всегда подчеркнуто дистанцировавшегося от компартии, происшедшее действительно равносильно освобождению от незваного союзника. Его любимым коньком было утверждение: коммунисты и демократы (переметнувшиеся из КПСС) в сговоре, ибо всегда, когда нужно завалить на выборах кого-нибудь неугодного демократам, господствующая партия намеренно вылезает с поддержкой этого кандидата, зная, что это только может опорочить его в глазах народа, Характерен в этом смысле эпизод, о котором Невзоров поведал в июне 1991 года на встрече со зрителями, отвечая на вопросы:

“- ...Почему 23 февраля 91-го года на трибуне на Дворцовой площади Гидаспов во время митинга вас назвал “наш” Невзоров, и что это значит?

- Как вам сказать... Ну, большей пакости, конечно, этот человек мне сделать не мог... Это понятно. Хотя... Мы с ним встретились на трибуне. 23-го я действительно там был, и существует фотография, которую почему-то не решилась опубликовать даже ни одна из независимых газет. Там происходит... Ну, знаете, когда два петуха сойдутся и они начинают толкаться грудью. Вот точно так же мы толкались грудью с Борисом Вениаминычем Гидасповым. Я говорю:

“Кто вас просил высовываться со своим мнением по поводу Литвы, Борис Вениаминович?” Он начинает гудеть что-то невразумительное, А потом говорит: “Может, померимся силами?” Ну, это так, всерьез совершенно. Вроде секретарь этой самой компартии. Я говорю: давайте... Он говорит: я из бассейна. А я говорю: я из тира. На этом как-то наш разговор мгновенно прекратился. “Поэтому... почему “наш” Невзоров? Я – не “их”, и они тоже не мои. И, ей-богу, когда ни одна из этих демократических шавок не осмеливалась рта раскрыть на обком партии... Вы помните, что об обкоме партии говорили мы? Да, мы сейчас не боремся с коммунистами, потому что, ну это просто негигиеничное занятие – пинать труп”...

Как бы то ни было, ориентация на армию и ОМОН в условиях прежнего двоевластия делала Невзорова уязвимым для критики. Сегодняшний вздох освобождения означает, что теперь монархизм его утратит снобистский характер и – буде программа “600 секунд” уцелеет – ее ведущий сможет занять более выгодную позицию для критики новых властей. То, что прежние демонстрации царистских симпатий не имели серьезного политического значения, вряд ли стоит доказывать – противостояние в стране проходило по линии “коммунисты – антикоммунисты”. Теперь разделение внутри победившего антикоммунистического лагеря неизбежно приведет к сплочению правых сил под монархическими знаменами.

На мой вопрос о впечатлениях от визита к местоблюстителю российского престола Владимиру Кирилловичу Невзоров кратко ответил: “Колени дрожали”. По

его словам, он с молодых лет верит в кровь, в наследственную власть, а не в регулярное избрание политического руководства народом. Что здесь от эстетства, что от действительно осознанного предпочтения какой-то одной формы правления? В интервью журналистке из небольшого журнальчика “Сеанс” Невзоров для разъяснения своих национальных чувств ссылается на “Жизнь Арсеньева” Ивана Бунина и называет ее “прекрасной книжкой”. Именно в этом романе в самой законченной форме (непревзойденной, пожалуй, ни в одной другой из русских беллетристических книг) представлено эстетское переживание веры в кровь, в царскую породу.

В нашу эпоху распада идеологий, кризиса нравственности все чаще слышится лозунг: “Красота спасет мир!” Эта фраза Достоевского, переосмысленная применительно к условиям всеобъемлющего безобразия – в экономике, политике, культуре – обладает немалым положительным потенциалом. Другой вопрос в том, что понимать под красотой. Для Невзорова это – самодержавная власть, мистически связанная с далеким требовательным Богом; могучая империя, спаянная единством любви и воли; жертвенный и немеркантильный народ, как священную ношу влекущий из бесконечного прошлого в беспредельное будущее великий и таинственный замысел благоустройства мира. В эпоху смут и безверия красивые и чуть-чуть непонятные картины могут приобретать значение национального пароля.

Росинант, оседланный Александром Невзоровым, служит для эффектной демонстрации новых политических

фигур. Но похоже, ни Алкснис, ни Макашов, ни Жириновский, побывавшие в его седле, не стали подлинными фаворитами телевизионного мага. Недаром самые последние выпуски “Паноптикума” начинаются с огненных букв “НТК” (Независимая телевизионная компания), змеящихся на черном фоне. Камера отъезжает, и мы видим, что буквы извиваются на черном знамени, которое держит черный рыцарь, неподвижно сидящий на черном коне. Воин закован в латы, а лик его скрыт забралом. Скорбное знамя и скорбная фигура – надо думать, этот траур не станет для “секунд” чем-то пожизненным, как черный креп у грузинских старух. В мрачном рыцаре ожили, быть может, причудливо преломленные образы детства Александра Невзорова – спасители Отечества в черных каппелевских мундирах..

ВСПЫШКА НА СОЛНЦЕ

Северо-восточный угол Средиземноморья. Стеной вздымаются над синей чашей вод поросшие лесом горы. На огромной высоте, среди источающих сладко-смолистый дух кедров неслышно пробираются олени и косули, раздается дробный стук дятла, беззаботно посвистывают пичуги. Все точно так же, как было здесь тысячу лет назад, как было за две и три тысячи лет до нас. Спускаясь по крутому склону в зеленую речную долину, охотник попадает в густые заросли одичавших яблонь и груш, а под ногами его то и дело оказываются причудливо обработанные глыбы известняка и мрамора. Чем

ближе к заболоченной пойме Оронта, тем больше таких следов было; в иных местах груды камня, поросшие кустарником и увитые ползучими растениями, явственно обозначают очертания строений.

Ветер доносит горький дымок, откуда-то слышится заунывная мелодия зурны. Сбившееся у подножия холма в серый комок стадо овец да торчащий вдалеке тонкий минарет с зеленым навершием – это все, что выдает присутствие людей.

Невозможно представить себе, что камни под ногами – это единственное, что осталось от величайшего центра человеческой культуры. Здесь впервые прозвучало слово “христианин”. Отсюда веками расходились на Восток и Запад волны духовных поветрий и мод. Сюда стремились богачи всего мира – вкусить невиданной роскоши и утонченного распутства. Все пространство долины, что охватывает глаз, было застроено величественными зданиями и изысканными сооружениями. Улицы, обнесенные колоннадами и защищенные от солнца каменными перекрытиями, фонтаны, бани, театры и стадионы, лицеи, библиотеки и торжища, виллы богачей и великолепные гостиницы, заведения для гурманов, храмы всех богов Земли, публичные дома, напоминающие дворцы. И сотни, тысячи статуй. Такова была Антиохия, соперничавшая по богатству и красоте с Александрией и Римом. Великий сын ее Либаний вдохновенно сказал в торжественной речи: “Здесь Богиня, родившая Эрота, излила свое очарование на огромный город, и если ты, покинув его, приедешь в другой, то вспомнишь о нем, а приехав сюда, забудешь тот город, где жил прежде.

Поэтому можно простить тех, кто, поддавшись чарам этого города, забудет и о родителях и о родной стране: ведь они увидели город, равного которому нет, и знают, что нигде не найдут ничего подобного ему”.

И вот что случилось на месте чудеснейшего из городов: заросли камыша, наполненные гудением насекомых, смрад, исходящий от болот, терпкий дым, тянущийся от нищих мусульманских очагов. Вряд ли есть на земле другое подобное место, где с такой сокрушающей убедительностью Провидение демонстрирует преходящий характер государств и призрачность судеб целых народов. Тысячелетнее средоточие эллинской цивилизации, метрополия одной из величайших христианских церквей, породившая знаменитых поэтов и духовидцев, богословов и подвижников – эта Антиохия исчезла. А сохранившая ее варваризованное имя турецкая Антакья – всего лишь захолустный замызганный городишко на отшибе от истинной столицы античного Востока.

Мир не помнит об этом рае земном, существовавшем многие столетия и манившем к себе мечтателей и завоевателей. Мир не изнемогает от смертной тоски в ежевечерних заупокойных молениях по сгнувшей христианской Атлантиде – ибо нет их, этих молений, нет поминального канона.

Лишь географические карты, издаваемые в арабских странах, хранят память о значимости и величии этого куска земли – входящая ныне в состав Турции область Антиохии рассматривается Сирией как ее неотъемлемая часть, ибо здесь

находится исторический центр сирийских христиан – Антиохийский патриарх вынужденно обитает в Дамаске и Алеппо.

И мерзость запустения на святом месте, и территориальный спор между двумя державами чужой веры, претендующими на прародину христиан, может служить прообразом того, что надвигается сегодня на земли Российской империи...

За два десятилетия стабильности, которые сегодня слывут временем застоя, у советского человека сложился стереотип восприятия отечественной и зарубежной действительности: здесь – покой, недвижимость, там – постоянное обновление, движение. Соответственно выставлялись оценки: второе – “хорошо”, первое – “плохо”. Когда социально-политическое развитие в Советском Союзе приобрело невиданный динамизм, у большинства населения это вызвало головокружение и тошноту, а собственные недавние мечтания о чем-нибудь вроде хорошенькой революции теперь кажутся дурью: “С жиру мы взбесились”. И уже нет того пафоса, с которым декламировали когда-то Тютчева: “Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые”. Такие строки хорошо читать сидя в покойном кресле у камина, попивая коньяк и пуская кольца сигарного дыма. Но когда стоишь тесно сжатый спереди и сзади шеренгой таких же счастливцев с номерами на ладонях и не знаешь, достанется ли тебе твоя пайка сахару или макарон, тут не до Тютчева.

Охваченное томлением общество ничего уже не хочет знать, кроме конечного результата нынешних “роковых

минут”. Поэтому спросом пользуются не аналитические работы политологов, а “выводы” астрологов, “точные до года” предсказания Нострадамуса и всяческие околonaучные теории вроде беллетризованного учения о пассионариях и этногенезе Льва Гумилева. При всей тяге к иррациональному современный “римлянин” (если Москва все-таки Третий Рим), напуганный далеко не мелодичным скрежетом жерновов истории, жаждет в объяснениях происходящего какой-то первоосновы, какого-то зерна, обладающего научной достоверностью. Взыскуя утешения, он все же не обращается к моралистам вроде Боэция (симптоматично, что именно сейчас “Тюремные утешения” впервые выпущены массовым тиражом), новейший “римлянин” готов смириться с любым, но *гарантированным* будущим.

Гарантией какого-то успокоения, стабилизации может служить в нашем случае лишь общее свойство всякого природного процесса к подъему и затуханию. В этой связи особым вниманием пользуются теории, постулирующие связь между космическими и глобальными явлениями с политической жизнью и даже духовным развитием человечества.

Загадочная цикличность развития цивилизации, различных стран и народов всегда подсказывала пытливым умам, что причины приливов и отливов в истории можно усмотреть на небесах – то ли расположение светил, то ли вторжение комет, то ли гнев богов... Сегодня теоретические построения русского биофизика Александра Чижевского, отмечавшего зависимость всего живого от процессов,

происходящих на солнце, становятся желанной опорой для пророков последнего Рима.

1991 год стал для Советского Союза столь же драматичным, каким оказался для первого Рима год 451, когда произошла битва императорских войск с гуннами на Каталаунских полях, или год 1453 – для Рима второго, когда турки захватили Константинополь. Может быть, не случайно это был год максимальной солнечной активности – целые народы, охваченные солярным неистовством, бросились рушить собственный дом? Сколь грандиозна должна была быть эта вспышка на солнце, если порожденные ею протуберанцы лизнули шестую часть суши, заставив закипеть ее, словно охваченный огнем муравейник.

То, что было предметом предположений, вождений, опасений – отпадение отдельных регионов государства – стало явью. И то, о чем старались не думать – размежевание территорий и перенос границ, – сделалось предметом каждодневных дискуссий на страницах печати, на площадях и за семейным столом.

Самым кровавым обещает стать земельный передел на советском Востоке, Если даже в условиях относительной стабильности здесь произошли наиболее ожесточенные столкновения между местными аборигенами, то при распаде коммунистических режимов в пяти республиках Средней Азии и Казахстана может возникнуть такой пожар, от которого полыхнет весь мусульманский мир.

Заявление казахского национал-коммунистического вождя Назарбаева о том, что он намерен взять под свой контроль

ядерное оружие, взволновало весь крещеный мир. Услужливые пророки вновь принялись потрясать Нострадамусом: России-де предстоит в союзе с Западом испепелить исламский блок. Перспектива территориального разбора с братьями по ядерному оружию навеивает думы о вечном. Ибо одна шальная ракета может превратить Москву в столь же малообитаемый захолустный угол, каким стала Антиохия.

Но вряд ли стоит рассматривать апокалиптический сценарий: небытие означает не только отсутствие проблем, но и отсутствие интереса к проблемам исчезнувшим. Здесь опять-таки поучительно полное спокойствие человечества относительно гибели третьего центра мира, в то время как два других – Рим и Константинополь, – даже перейдя по нескольку раз к иным хозяевам, продолжают занимать воображение школяров и поэтов, философов и политиков.

Пойдем по другому пути: проследим возможную последовательность событий на территории бывшей Российской империи, волею судьбы на семь десятилетий связанную политическим единством в рамках Советского Союза. Фактором разложения сего последнего было, как я предположил, низведение прежде господствующей нации до положения обслуги некогда отсталых собратьев.

Александр Солженицын, видя этот парадокс, уже в начале 1970-х годов предлагал ("Письмо к вождям Советского Союза") освобождение России от своих бывших колоний, ставших паразитарными образованиями. Совсем недавно он повторил это предложение в более разработанной форме ("Как

нам обустроить Россию"). Сама жизнь по прошествии одного года сделала казавшийся умозрительным сценарий Солженицына вполне пригодным для практических действий политиков.

Руководство России, объявившее о переходе всей союзной собственности на территории республики под ее юрисдикцию, а также выразившее решимость ввести мировые цены во взаиморасчетах с остальными участниками советской федерации, создало экономический фундамент для возрождения русского национализма, а претензии на обладание военно-стратегическими силами бывшего Советского Союза вкупе с требованием старых российских границ дают русским патриотам шанс и на политическую гегемонию в России.

В настоящее время Российская Федерация – единственное из государственных образований, входивших в Советский Союз, которое имеет двухпалатный парламент, хотя процент основной нации (в данном случае русской) здесь очень высок - 83%. В этом отношении Россия уступает только Армении и превосходит считающуюся едва ли не однонациональной Литву (80% литовцев). Такая структура представительных органов, навязанная России еще при монопольном господстве компартии, не только отражает антинациональную природу ушедшего режима, но и представляет собой политическую проекцию союзных структур, совершенно неприемлемую в условиях обретения самостоятельности Россией.

Уже после президентских выборов 12 июня 1991 года разговоры о суверенизации российских автономий сменились жестким диктатом по отношению к ним. На очереди – принятие новой конституции России, которая сведет суверенитеты, провозглашенные национал-коммунистическими вождями, к нулю, ибо уравнивает многочисленные республики с обычными административно-территориальными образованиями. А когда процесс сосредоточения власти в руках новых людей и в рамках новых структур завершится, настанет время для решения судьбы тех русских областей, что отошли в результате коммунистических переделов к иным республикам. Это время может прийти тем скорее, чем круче станет парабола социально-экономического кризиса. Сплотить народ можно перед лицом внешней опасности во имя общенациональных целей. Если Ельцин и его окружение окажутся перед лицом массового недовольства, они просто вынуждены будут разыграть “русскую карту”.

Такого поворота событий опасаются “левые” круги, ставшие главной опорой Ельцина на президентских выборах и во время августовского переворота. Почти сразу же после событий 19-21 августа печать, поддерживавшая Ельцина и создававшая ему ореол национального героя, начала сначала осторожно, а затем в полный голос говорить об опасности русского национализма. Если горбачевские маневры с целью сохранения государственной целостности Союза оценивались как продолжение политики прежних коммунистических правителей, то деидеологизированные властные структуры

России ни на что иное опереться не смогут, как на идею нации – что уже проделали во всех бывших “братских” республиках.

Газета деловых кругов “Рынок” в первом же послепутчевом номере тревожилась по поводу неудачи горбачевского варианта “собрания землицы” и предсказывала:

“Второй вариант – ельцинский: русификация империи. Сбор независимых, если в данном случае можно употребить это слово, республик под российском флагом. Если Ельцину удастся взять в свои руки вооруженные силы и получить контроль над “ядерной кнопкой”, к чему он стремится, даже вслух отрицая это, то шансы реализации этого варианта возрастают.

Если с казахскими строителями социализма справиться можно без труда – как-никак армия, дислоцированная на подвластной Назарбаеву территории, состоит в основном из славян, – то в случае с Украиной дело обстоит куда сложнее. Так, ядерное оружие, размещенное в основном в северном Казахстане, гораздо легче поставить под контроль России, нежели пусковые установки межконтинентальных ракет на Западной Украине. Да и то, что младший и средний командный состав Советской армии на добрую треть укомплектован за счет украинцев, не требует комментариев.

Смогут ли демократы Киева и Львова, пришедшие к власти на волне национализма, договориться с демократами Москвы и Петербурга? Сомневаюсь, чтобы они достигли хотя бы той степени согласия, которая существовала между коммунистами Украины и России, – а ведь именно

капээсэсовцев обвиняли последнее время в тайном разжигании межнационального противостояния.

Обладая некоторым опытом общения как с казахской, так и с украинской интеллигенцией – а именно она идейно подпитывала самостийников в обеих республиках, – могу с полной ответственностью засвидетельствовать русофобскую направленность ее “свободолюбия”. Не имея даже того крохотного опыта демократии, которым обладают их российские собратья, тамошние “властители дум” готовы поддерживать самые экстремистские высказывания и действия, лишь бы они досадили “москалям”, “колонизаторам”. При любом осложнении в межреспубликанских отношениях взметнется шовинистическая волна в средствах массовой информации, подконтрольных казахским и украинским патриотам. Тогда неизбежна ответная реакция пропагандистской машины России.

За то, что ход событий будет именно таков, говорят и опыт межнациональных конфликтов в СССР, и характер столкновений между близкими по культуре и языку группами населения Югославии, Северной Ирландии, Ливана. А самое главное – в истории России подобная модель реализовывалась неоднократно. Даже сверх-космополитический режим, установившийся в 1917 году и бестрепетно подавлявший национальное самосознание в стране, на глазах одного поколения эволюционировал к революционному шовинизму.

Современное российское руководство, не удовольствовавшись собственной легитимностью как законно

избранная власть, привычно потянулось за особыми полномочиями к революционной улице, жаждущей не демократического житья-бытья, а торжества над поверженным противником. И в этом смысле можно говорить, что история вновь преподает плохо затверженный урок – всякая победившая революция не выдерживает искушения властью: она жаждет само-возвеличивания и одержима идеей мессианизма. Войны революционной Франции против всего остального мира, пребывавшего под скипетром “тиранов” – классическое тому подтверждение. Приветствия августовских триумфаторов демократам в тюбетейках, решивших с помощью голодовки добиться роспуска парламента Таджикистана – из серии таких юридически несостоятельных, но абсолютно логичных поступков экспортеров прогресса.

Империя плоха, если она сколочена не нами, но если во имя передовых идей и исторической целесообразности мы создадим содружество свободных народов – что в этом дурного? Не этот ли вопрос прочитывается в акциях солидарности с оппозиционными силами, в давлении российских демократов на “отсталые” парламенты республик, объявленных заповедниками коммунистической номенклатуры? В “прошлый раз” (то бишь в 20-х годах) тоже начиналось с интернациональной помощи. Да и Наполеон, помнится, оттяпал у тиранов Голландию и пол-Италии во имя свободы, равенства и братства.

Поползновения к мифотворчеству, проявившиеся во время помпезных августовских похорон “жертв революции”, в

кампании героизации должностных лиц российского парламента и правительства показывают направление возможных перемен в российских верхах.

Авторитарные тенденции, поначалу приветствовавшиеся сторонниками Ельцина, теперь тревожат их. И закономерным стало размежевание в рядах дотеле монолитного “левого” блока. Уже то, что Ельцин не предложил ни одному из популярных политиков этого направления баллотироваться в паре с ним на пост вице-президента, а избрал малоизвестного Руцкого, должно было сигнализировать союзникам “харизматического лидера” о стремлении освободиться от слишком плотной опеки. Затем вялая поддержка Руслана Хасбулатова во время выборов преемника Ельцина на посту председателя Верховного Совета России – она тоже свидетельствовала о том, что президент тяготится слишком большой зависимостью от верного соратника, который успел приобрести значительное влияние на парламента. И наконец, произошедшие после событий августа размежевание Ельцина с председателем Совета Министров И.Силаевым, обозначившее стремление главы российского руководства непосредственно влиять на исполнительную власть.

Если столь непрочной оказывается команда, сложившаяся в процессе формирования нового парламента и правительства, насколько зыбким должно быть единство, основанное лишь на общности врагов. Как только последние потеряли свое былое значение, согласные действия “левых” стали невозможны, ибо каждый пункт положительной

программы вызывает яростные споры. Трудно вообразить их монолитность в контексте межреспубликанских противоречий.

И все же, если, наперекор мрачной логике предсказаний, лидеры демократических движений, оказавшись у власти, останутся верны прокламируемой ими терпимости и не пойдут на конфронтацию с бывшими “братьями”, то им придется приносить в жертву толпе, взвинченной нарастающими трудностями, то одного, то другого видного деятеля из собственной среды. Что, понятно, тоже не будет способствовать консолидации демократических рядов.

При любом из вариантов развития сторонники возрождения империи не останутся без дела. Если будет реализован сценарий священной революционной войны, эти люди займут места тех, кто окажется неспособным принести демократическую идеологию в жертву политической необходимости. Если “левый” лагерь в целом пойдет на противостояние с народом, национально-консервативные силы могут объединиться под водительством известных фигур, заработавших очки еще на критике Горбачева и предсказавших кризис. Уже цитированная мной газета “Рынок” отметила в этой связи: “Будущее не сулит мира и процветания. Мы входим в черную полосу социально-политической нестабильности. Нам пока неизвестны имена будущих путчистов и заговорщиков. Но это лишь вопрос времени”. А ведь это сказано еще в атмосфере ликования, царившей после августовского крушения коммунистов.

Попытаемся представить себе, как будут развиваться события в условиях общенационального кризиса, который предсказывают политики всех мастей – от Шеварднадзе до Жириновского – и пресса всех направлений.

Дальнейшее падение производства, усугубленное продовольственными трудностями, дефицитом тепла и энергии, плохой работой автотранспорта, требует от властей чрезвычайных мер. Осуществить их возможно лишь с помощью карательных органов – милиции и войск МВД. Армию привлечь к поддержанию порядка оказывается невозможно по причинам морального свойства: только что за это осудили ГКЧП.

КГБ, парализованный чисткой, не способен дать новому руководству страны достоверной информации о происходящих событиях, о действиях политических противников и настроениях масс. Тот же самый дефицит информации о состоянии умов в казармах и у армейского командования - система политорганов не действует.

А среди младших офицеров, сидящих вместе с солдатами в едва отапливаемых бараках, нарастает недовольство - семьи голодают, здоровье и жизнь детей под угрозой. Многократный рост цен из-за инфляции делает бессмысленной службу ради жалованья. Но и уйти из вооруженных сил, оказаться в одиночестве в такие дни для них невозможно. Армейское братство приобретает особую цену. Тем безысходнее их коллективная ярость: они молоды, могущественны (оружие) и... бессильны.

То же чувство слепого бешенства овладевает серыми толпами на заводских дворах и улицах: они чувствуют себя обманутыми, но не находят того, кого следует покарать. Всеми овладевает убеждение: виновата мафия, торгаши, кооператоры, люди в автомобилях. Милиция с плохо скрываемым сочувствием наблюдает за разгромом коммерческих лавок и ресторанов. Рынки закрываются, ибо кавказцы спешно покидают города России.

Местные власти парализованы – никто не исполняет положений закона о чрезвычайном положении. Все мольбы о помощи в адрес Москвы остаются без ответа.

Беспрерывно заседающий съезд народных депутатов превращается в поле сражения всех против всех. Каждый день поступают сотни телеграмм с требованием его самороспуска. Забастовки целых отраслей, а потом и регионов перерастают во всеобщую забастовку. Новые представительные органы власти явочным порядком формируются на местах из представителей забасткомов, присоединившихся к бастующим воинских частей и деятелей популистских движений и партий. Из их же состава выдвигаются делегаты на Учредительное собрание (Земский собор, Генеральные Штаты или что-нибудь еще в том же роде).

Не исключено, что такого рода дикий парламент вознесет на вершину власти ряд аутсайдеров нынешней политической сцены или даже вызовет из небытия некоторых “страдальцев за

правду”. Быть может, эти события совпадут с окончанием вспышки на солнце и наступит новый этап “собирания земли”...

КОМАНДА КРЕПКИХ МУЖИКОВ

Придя в гостиницу “Москва” в первых числах июня 91-го года, я без труда нашел “штаб Жириновского” – возле снятых Либерально-демократической партией номеров толкалась кучка озабоченно-праздных людей, всегда собирающихся на политических тусовках последних лет. Прослышав о новой звезде, засиявшей в дни президентских выборов, завсегдатаи сходбищ не могли не почтить своим вниманием и ее чертоги.

В самом номере я увидел следующую картину: сидевший в резном кресле Жириновский говорил, обращаясь к смиренно внимавшему невысокому пухлому мужчине с блокнотом в руках, о том, кому надо позвонить насчет билетов на самолет, с кем связаться по поводу бронирования номера в гостинице, как выписать счета за типографию, в каком буфете и на сколько человек заказать завтрак для свиты кандидата в президенты. По лицу Владимира Вольфовича струился пот, он не замечал этого и продолжал отдавать распоряжения в том же экспансивном тоне, которым поразил всех, выступая в эфире. Я решил, что действительность этих дней слилась для него в одно бесконечное выступление – на митинге, перед телекамерой, на пресс-конференции.

Вдоль стены номера стояли два десятка людей и молча внимали лидеру. Никто не суетился, не стрекотала машинка, не попискивал факс. Хлопотал один Жириновский – и об отправке предвыборных плакатов в Краснодар, и о судьбе Курильских островов, и о починке колеса для “Москвича”, и об устройстве армянских беженцев. Здесь все держалось на личном магнетизме одного человека. Я понял, что он работает практически без команды, а дюжина-другая “шестерок”, слоняющихся по номерам, ни на что не влияет и ни на один голос не увеличит финальные показатели претендента. Какой контраст представляла эта картина с многочисленным отлаженным аппаратом Вадима Бакатина, также решившего добиваться поста президента!

Через несколько дней я увиделся с соратниками еще одного кандидата – Макашова. Пожилой отставник – тоже, кстати сказать, генерал, – несколько военных в средних званиях да группа обязательных тусовщиков, ни на что серьезное не годных. С такими бойцами многого не достигнешь – и этот вывод подтверждался серостью предвыборной агитации, отсутствием митингов в поддержку командующего ПУрВО.

Посему, когда я читал в газетах о каких-то могущественных силах, стоящих за соперниками Ельцина, мне делалось неловко за журналистов, пишущих с потолка. Понятно их желание представить своего протеже бесстрашным рыцарем, сражающимся против незримой рати, но ведь так можно и самих себя мистифицировать.

Пример с Жириновским особенно поучителен. Если бы не пресса, о нем забыли бы на вторую неделю после выборов. Но газеты прямо-таки изнемогают без врага – и Владимир Вольфович немедленно занял вакантное место номенклатурщиков, ибо о происках сих последних всем читать уже поднадоело. Какими только эпитетами не награждают председателя ЛДП – он и “зловещий”, и “коричневый”, и “бесноватый”. Словом, аналогия с Гитлером, открыто предложенная в одной из передач Ленинградского телевидения, разгуливает по страницам сотен изданий, хотя никаких санкций ни против Жириновского, ни против задирающих его журналистов за этим не следует. Кампания, по-видимому, выгодна для обеих сторон. И даже эффектные заклинания корреспондента “Независимой газеты” Сергея Пархоменко и критикессы Татьяны Ивановой о том, что необходимо наложить табу на публикации о Жириновском, вполне укладываются в сценарий раздувания его популярности. Если собрать воедино выступления и интервью “зловещего” лидера, то окажется, что он побил все рекорды, далеко оторвавшись по числу таких газетных и журнальных материалов от любого другого современного советского политика.

Да и Макашову с Алкснисом проправительственная пресса России оказала неоценимую услугу, за один год взрастив из них подлинных гениев зла, грозящих хрупкой демократии. Не знаю, насколько велико число сторонников Виктора Имановича в Риге, но в общесоюзном масштабе его делает видной фигурой лишь внимание прессы и телевидения.

Всегда, когда я заходил к нему в номер, я видел людей с камерами, диктофонами и блокнотами, но ни разу не встретил так называемых соратников. Быть может, и он поддерживается каким-то тайными обществами, боящимися дневного света? В таком случае пожилая дама, представлявшая Интерфронт Латвии, которая информировала меня о передвижениях Алксниса, очень предусмотрительно выбрана таинственными силами в качестве видимой верхушки айсберга.

Но все же, несмотря на полное господство Ельцина в средствах массовой информации, на тысячекратно превосходящие типографские мощности, наводнившие страну миллионами его предвыборных плакатов, на наличие огромной армии распространителей листовок, клакеров, организаторов митингов, правитель России смог собрать только 57% голосов, а дилетанты Жириновский и Макашов, имевшие по дюжине малопригодных помощников, получили вместе около 12% – 10 миллионов голосов.

Почему потерпели сокрушительное поражение все аналитики, предсказывавшие представителям имперского фланга самые скромные результаты? За две недели до выборов им обещали по 0,5% – опираясь будто бы на опросы избирателей. А за два дня до выборов газета “Голос”, издаваемая Союзом журналистов, прогнозировала устами своего политического обозревателя Виктора Бондаренко:

“Далее берем сразу троих претендентов – Тулеева, Макашова и Жириновского. Все в основном понимают, что голосовать за них бессмысленно, поскольку ни один не имеет

никаких шансов. Учитывая здравый смысл нашего народа, вполне можно полагать, что они все вместе больше трех процентов не наберут”.

Но прошла еще неделя, и тон печати изменился. Даже официоз Верховного Совета РСФСР “Российская газета” признала весомость успеха Жириновского и бросилась в другую крайность: “Боюсь, к весне, то есть как раз к союзным и республиканским выборам, в партии Жириновского может собраться полмиллиона человек. Организатор, как показали предвыборные недели, он неплохой. Средства появятся, сформируется аппарат. В эту партию может прийти наиболее энергичная часть молодежи. К ней могут примкнуть организации типа “Памяти”. И тогда с ней придется считаться. Ну, а уже в ближайшее время, думаю, обнаружатся сторонники Жириновского в союзном и республиканском парламентах.

А социологи, проводившие опросы на V съезде народных депутатов СССР в сентябре, выяснили, что, по мнению избранных народа, к 2000 году на пост президента СССР могут реально претендовать Собчак, Ельцин или Жириновский.

Потенциал правого движения велик. Из тех 60 миллионов избирателей (против 45), которые голосовали либо за соперников Ельцина, либо проигнорировали выборы, сторонники сохранения империи будут рекрутировать все новые отряды. Да и корпус избирателей нынешнего президента может изрядно поредеть, если его предвыборные авансы не будут реализованы. Ведь даже в разгар июньских баталий в штаб-квартиру Жириновского приносили

телеграммы вроде той, что направили жители города Энгельса: “Покинули лагерь Ельцина сердечно Вас поддерживаем желаем успеха борьбе”.

В условиях, когда КПСС мертва, все оппозиционные “левым” реформаторам силы перейдут на деидеологизированные позиции, ибо условием их выживания станет сохранение государственной целостности и поддержание порядка. В этом стремлении они могут найти сторонников и среди предпринимателей (их конфликт с авторитарными методами руководства мэра Москвы – только первый опыт противостояния новой бюрократии), тогда у правых могут появиться и деньги – главное, что необходимо им для развертывания пропагандистского наступления.

Я собственными глазами видел, как после выступления в Краснодаре к Жириновскому метнулась молодая дама – владелица частного ресторана – и попросила принять солидное пожертвование в фонд партии. “Надеюсь, мои дети будут жить при таком президенте, как Вы”, – сказала она. “Российская газета”, встревожившаяся по поводу успеха председателя ЛДП на выборах, тогда же писала:

“За Жириновским пошла часть молодежи, соблазненная его накалом, молодостью. Жириновский хорошо учитывает психологию. Выбирают ведь не территории, а люди, поэтому своих сторонников надо искать на всех территориях. За него, например, высказалось казачество. В Ростовской области он получил 11,5% голосов, в Ставропольском крае – 11,9, в Краснодарском - 13,1. Ожидали, что здесь поддержат Рыжкова,

но поддержали Жириновского. Почему? Вероятно, потому что перестройка породила в вольнолюбивом казачестве, по которому тоталитаризм проехался особенно безжалостно, массу надежд, до сих пор не оправдавшихся.

Это же относится и к молодежи. Ни свободному фермеру, ни молодому предпринимателю не дают жить бюрократы, в том числе и новые, перестроечные. А Жириновский вроде бы дает надежду прорваться, Пусть любой ценой. Многие готовы и на это. Их устроила бы “твердая рука”, но, конечно, не бурбон в генеральских погонах”.

Показательно, что прокоммунистический генерал Макашов делал реверансы бизнесменам, а полковник Алкснис даже заявляет, что наилучшей формой правления была бы конституционная монархия. И оба признают Жириновского сильным перспективным лидером. Поэтому уже сейчас можно предсказать консолидацию правых на основе арифметического сложения сил безотносительно идеологии.

Сам Жириновский прогнозирует свою победу уже весной 1992 года. Он полагает, что ошибки “левых”, их неспособность решить экономические проблемы сделают неизбежным приход к власти третьей силы (если первой считать коммунистов, а второй – тех, кто выступает за уничтожение империи).

Даром предсказания Владимир Вольфович в определенной степени наделен. Так, он точно определил перед голосованием на съезде народных депутатов России, что наберет около половины голосов и будет, таким образом, включен в списки кандидатов. И такой результат породил

подлинный шок у демократического крыла съезда, Не менее поразительно его заявление в газете “Советская Россия”, сделанное 30 июля, за 20 дней до “странного переворота”: “Семнадцатый год обернулся девяносто первым. Все повторяется в этой стране. Тогда Керенский нанес удар по Корнилову. Сейчас готовится, видимо, удар по руководству армии и КГБ”.

Если подтвердится версия о причастности Горбачева к организации этого псевдо-заговора, можно будет поздравить Владимира Вольфовича с наличием тех же способностей, которыми прославилась бабка Ванга...

Зато в продолжение тех трех дней, когда происходили события, потрясшие мир, Жириновский не продемонстрировал проницательности, Он, как и Макашов, как Алкснис, поспешил выразить свою лояльность инициаторам чрезвычайного положения. Что опять-таки говорит о дилетантизме всех троих – люди, связанные с глубоко эшелонированными структурами, вряд ли проявили бы такую неосмотрительность. Пример заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС Ивашко, три дня выжидавшего, чем кончится дело, показывает, какой бывает реакция опытного политика. Кстати сказать, подавляющее большинство деятелей номенклатуры так и не “засветились” в ходе августовских событий – из огромной армии аппаратчиков, кагэбистов, генералов, директоров предприятий лишь единицы открыто солидаризировались с ГКЧП – нух подсказал большинству, что дело нечисто.

Если всесторонний кризис в стране будет развиваться и профессиональные политики не смогут удержать события под контролем, тогда неизбежен приход к власти “людей со стороны”. Ибо те, кто пребывает наверху сегодня, – это последний отряд чиновников, более или менее компетентных в вопросах управления. Почти все они прошли через номенклатурный отбор и уж во всяком случае состояли в интеллектуальной службе прежнего начальства. Их несостоятельность в роли первых лиц может привести к действительно революционному сдвигу.

Вряд ли стоит связывать ожидания с именами тех, кто в течение одного календарного года взошел на политический небосклон в качестве светил правого лагеря. Возможно, они вообще отодвинутся в тень. Их роль, быть может, состояла в том, чтобы узаконить присутствие в политическом спектре тех красок, которых не было прежде.

Вышедшие из лона КПСС нынешние “левые” не были чем-то новым – они явились скорее видимым продолжением тех подковерных сил, которые уже несколько десятилетий боролись с коммунистическими догматиками за руководство партией, а значит, и страной. Если гнев демоса отринет и их от власти, тогда можно будет говорить о действительно конце номенклатуры.

Задав Алкснису вопрос о том, кто может составить новый правящий класс в возрожденной империи, я постарался расшифровать, что имею в виду. В любой стране существует придирчивый отбор кандидатов в коридоры власти – с улицы

туда не попадают. В старой России было два сита: дворянство и “табель о рангах”. Только поднявшись по ступеням службы и войдя в состав первенствующего сословия, можно было оказаться у рычагов управления страной. Такую же роль играло в СССР членство в КПСС и продвижение по номенклатурной лестнице. На Западе правящий класс пополняется за счет выпускников привилегированных учебных заведений, учитывается их принадлежность к известным фамилиям, к элитарным организациям и тайным обществам. Нигде нет комплектования “сфер” на авось.

Виктор Имантович надолго задумался. Он оказался не готов ответить, ибо, по его признанию, прежде не размышлял над этим. Но как рабочую гипотезу предложил следующее: питомником правящей элиты станут предпринимательские слои. С тем уточнением, что это будут патриотичные, ответственные, широко мыслящие деловые круги.

Услышанное мной было похоже на красивую сказку. Кто же не захочет, чтобы страной правили столь привлекательные лица. Но ведь их нет сегодня в наличии. И завтра не народятся. А власть того и гляди покатится под ноги толпе. Виктор Имантович выразился в том смысле, что завтра придет команда крепких мужиков: это будут “афганские” генералы, средний слой партийной номенклатуры, директора крупных передовых заводов.

Но мне опять показалось, что мы скользим мимо истины. Крепкие мужики уже были, и власть стала уходить от них потому, что они не имели каких-то конструктивных идей о том, как жить в новом сообществе наций, которое меняется,

обновляется слишком быстро. А управляемое ими сверх-государство мало-помалу превратилось в восприятии остального мира из страшного и загадочного истукана в старомодную облупившуюся статую в малопrestижном квартале, когда-то считавшемся неплохим местом для жилья.

Алкснис недаром оказался не в состоянии ответить на мой вопрос. Он сам генетически связан с прежней советской элитой. Хотя никогда и не видел своего дела, не жил в квартире номер 100 “Дома на набережной”. Даже подсознательное переживание своей принадлежности к слою, который вознесен к власти в эпоху крушения тысячелетних основ государства, не позволит человеку воспринимать действительность вне этого опыта. Эталоны решений, модели ответов – в крови. Именно поэтому главный пафос Алксниса – охранительный, он не знает иных рецептов, кроме тех, что выписаны всеми уважаемым старым фельдшером.

Для понимания природы того, кто придет “править и владеть” страной завтра, гораздо плодотворнее проникновение в психику людей, вознесенных перестройкой и никогда не обладавших большими связями, не имеющих семейных корней ни в старом русском, ни во вчерашнем советском истеблишменте. Макашов, Жириновский и Невзоров - при всей их внешней несхожести, разности политических позиций и житейской философии – это люди улицы. Один – проваренный в крепком казарменном бульоне, другой – из серых “интелов”, третий - из породы люмпенизированных созерцателей бытия. Их восприятие политической жизни как сферы лобового

столкновения социальных интересов дает им преимущество перед “технологами власти”, десятилетиями отработывавшими приемы борьбы или хотя бы их изучавшими. В краткую эпоху, когда толпа становится творцом истории, победителями делаются кулачные бойцы, а не фехтовальщики.

До сих пор массы людей на площадях, которые мы видели на экранах телевизоров во время трансляций митингов, не представляли народ или, говоря старинным штилем, чернь. Ничего зазорного в этом определении нет – оно имело прежде ясный и не уничижительный смысл: низшие слои. Русская провинция может выйти на улицу лишь тогда, когда будут задеты интересы желудка, вопросы политического строя ее не занимают. Сегодня дело идет к тому, что советская чернь может ощутить невозможность жить по-прежнему. Короткий и страшный гнев толпы способен вытолкнуть в первые ряды тех, кто выкрикнет без обиняков все, что десятилетиями смутно бродило в народном сознании.

“Слушайте Революцию!” – взывал Блок, уподобивший демона разрушения духу музыки. Но музыки не было – был гвалт. В хаосе нет мелодии, тем он и отличается от упорядоченного течения жизни. Зато у хаоса есть слова, и они не требуют никакого сопровождения.

Лексикон уже озвучен. Миллионы слышали, что можно говорить совсем не так, как говорили с людьми прежние политики. Генерал – косноязычный, простецкий, свой – замахнулся аж на самого “Горбатого”. Малый в мятом голубом костюме – заводной, яростный, очень понятный в своей

ненависти к тем, кто наверху. Парень в кожанке, усталый, прокуренный, кое-как причесанный – попер против коммунистов и депутатов, черных и мафии, единственный, кто не побрезговал вступить за всех, перебивающихся от получки до получки.

Как по единой косточке ископаемого существа палеонтологи воссоздают его облик, как по отдельным фразам знаток стиля определяет автора произведения, так прорицатель от политики пытается предсказать события, взглядевшись в несколько лиц из людского моря, бушующего у подножия тронов и алтарей.

Психологический порог, существовавший у людей коммунистической номенклатуры, давно перейден: теперь нет табу на самые решительные высказывания. До определенной поры массу устраивала отвага разрушения, продемонстрированная лидерами “левых” движений. Но постепенно к этому зрелищу привыкли, оно наскучило и перестало занимать людей. Общество перешло в состояние апатии и психологически готово лишь к “позитиву”.

Чем больше правящая группировка будет оттягивать выдвижение и реализацию понятных всем программ, тем ненасытнее станет ожидание масс, Успех Жириновского – это первый сигнал готовности масс принять спасителя Отечества. Пройдя во время президентских выборов на призовое третье место под знаком простых и быстрых решений, сорокапятилетний юрист сфокусировал на себе надежды тех, кто не хочет больше ждать...

Более ста двадцати лет назад первый русский антикоммунист А.Ф.Писемский тревожился, видя, как понижается

духовный уровень русского общества. И одним из главных факторов, способствовавших усреднению, обеднению сознания среднего человека, он считал печать: "...газета, сделавшаяся в последнее время царицею и правительницею всего мира, если и приносит человечеству пользу, то решительно только с материальной стороны, но никак не для умственного или какого-либо иного духовного развития, но для нашего же русского, молодого общества, для нашей все-таки бывшей до последних годов весьма честной литературы она явилась безусловно пагубною; наши газеты и газетишки всевозможных направлений опошлили толки и суждения об литературе до гадости, унижают истины науки, произнося их своим фельетонным, изболтавшимся язычишком, распространяют в обществе страсть к сплетням, к скандалу, к вздору и, что печальнее всего, всему этому и конца не предвидится, а напротив, все больше и больше будет распространяться, и есть надежда, что со временем все наше общество поглупеет до умственного уровня фельетона – зрелище почти страшное!"

Прогноз писателя сбылся через полвека, когда интеллигентское общество, заведенное тогдашними средствами массовой информации, бросилось крушить собственный дом. Предостерегающие голоса авторов "Вех" услышаны не были – Бердяева, Гершензона и Струве сочли ренегатами. Их поняли лишь тогда, когда место котелков и шляпок с цветами заняли на митингах кепки и суконные фуражки с кокардами.

В наши дни опасения Писемского кажутся наивными: те, кто сотрясает улицу требованиями свободы и справедливости,

черпают свои представления о мире даже не из газет, а из телевизионных “контрвью”. И кумирами их становятся не авторы толстых заумных книг, а те, кто чаще других возникает на экране “ящика”. Недаром и в парламенте дюжинами заседают телерепортеры и сотрудники массовых листков, публикующих материалы величиной с ладонь.

Заменой реальной политики становятся поединки в эфире, пресловутые рейтинги швыряют на чаши колеблющихся весов общественного мнения. А подлинный субъект истории неприметно меняет политический ландшафт словно муравьиная семья, воздвигающая свои курганы и небоскребы. Тот, кого привычно числят обывателем, неустанно таскает на горбу все, что приглянулось, и складывает в одну кучу, не замечая при этом, что созидает вместе с другими подобными себе нечто огромное, уходящее за пределы его зрения.

Это неохватное для глаз наблюдателя, участвующего в строительстве, становится различимо только с высот истории. И часто оказывается, что слепой инстинкт бесчисленных зодчих сотворил пьедестал для нового кумира.

Май-сентябрь 1991

Москва-Ленинград-Цхинвали-Агдам

ЭПИТАФИЯ НЕОПУБЛИКОВАННОМУ ТЕКСТУ	1
КОЛОНИАЛИЗМ НАОБОРОТ	4
СТАРЕЦ ФИЛОФЕЙ И ПОЛКОВНИК АЛКСНИС	14
ПОЛКОВНИК БЕЗ МУНДИРА И МУНДИР БЕЗ ПОЛКОВНИКА	23
ПОДКОВА НЕСЧАСТИЙ	36
ЭТНИЧЕСКИЙ ВУЛКАН	43
КАРКАС ОБВЕТШАЛОГО ЗДАНИЯ	59
ОЧЕНЬ СТАРЫЕ МЕХИ И ОТНОСИТЕЛЬНО МОЛОДОЕ ВИНО	82
ОСЕДЛАВШИЙ РОСИНАНТА	90
ВСПЫШКА НА СОЛНЦЕ	113
КОМАНДА КРЕПКИХ МУЖИКОВ	129